

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
(ASIATIC MUSEUM)

TIBETOLOGY IN ST. PETERSBURG

Collected papers

Issue 2

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
(АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ)

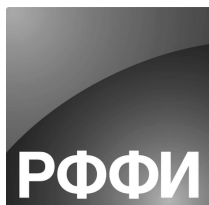
ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сборник статей

Выпуск 2

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2021

УДК 09(235.242)
ББК Ш171+Ч611.5+Ч611.63(0)41

*Издание осуществляется при финансовой
поддержке РФФИ и НЦНИ Франции
по проекту № 21-512-15001*

*Funding: the edition was funded by RFBR
and CNRS, project number 21-512-15001*

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор ист. наук проф. *Н. В. Цыремпилов*; канд. филос. наук *Т. В. Ермакова*

Редакционная коллегия:

Б. Б. Бадмаев (Дид Хамбо-лама, Ширээтэ-лама *Джампа Доньед*);
канд. филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор); проф. *Ч. Рэмбл*
(Париж); *А. А. Сизова* (секретарь); доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*

Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 2. —
СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил.

Основная часть сборника состоит из материалов, посвященных изучению исторического наследия ойратов XVII–XVIII вв., тесно связанного с историей возникновения тибетологии и буддологии в России и Европе. Вторая часть, мемориальная, посвящена памяти В. С. Толокнова (1980–2016) и его работе по изучению тибетской диаспоры в Индии.

Tibetology in St. Petersburg. Collected papers. Issue 2. — St. Petersburg:
St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. — 356 p. + 16 il.

The main part of the book consists of papers that deal with historical legacy of the Oirats from the 17th to 18th centuries which is closely connected with the initial history of Tibetology and Buddhology in Russia and Europe. The second part is dedicated to the memory of V. S. Toloknov (1980–2016) and his study of the Tibetan diaspora in India.

На первой странице обложки: использована рукопись Tib. 957, No. 1 (ИВР РАН).

ISBN 978-5-85803-572-5
DOI 10.25882/8x6h-re86

© Коллектив авторов, 2021
© Институт восточных рукописей РАН, 2021
© Петербургское Востоковедение, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. В. Зорин)	7
Foreword (A. V. Zorin)	10
Часть 1. У ИСТОКОВ ТИБЕТОЛОГИИ И БУДДОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЙРАТОВ XVII–XVIII ВВ.	
А. В. Зорин. Тибетские рукописи из Семи Палат в собрании ИВР РАН	14
Приложение. The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Pa- lat. Pt. 1: Set 1 of <i>Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu</i> <i>lnga pa</i>	28
В. П. Зайцев. Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723)	75
Приложение. Письмо аббата Ж.-П. Биньона русскому царю Петру I от 1 февраля 1723 г.	126
А. А. Сизова. О первой попытке перевода в истории тибетологии: метод братьев Фурмон	135
Приложение № 1. Перевод статьи «Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis»	156
Приложение № 2. Перевод фрагмента книги Г. З. Байера	160
Приложение № 3. Перевод фрагмента книги А. Джорджи	177
Приложение № 4. Перевод фрагмента статьи Г. Ф. Миллера «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio»	184
В. Б. Бородаев. Лист монгольского «золотого» Ганджура из Городской библиотеки Линчэпинга с русскими надписями 1720 года.	195
А. А. Туранская. Фрагменты монгольских рукописей из ойратского мо- настыря Аблай-хит в коллекции Национальной библиотеки Франции	246
В. Л. Успенский, Н. С. Яхонтова. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ	267
Часть 2. ПАМЯТИ В. С. ТОЛОКНОВА (1980–2016)	
Н. Л. Жуковская. Пусть это будет памятью о нем, о том, что он по воле судьбы не успел сделать сам	294
А. В. Зорин. В. С. Толокнов и его работа о тибетской диаспоре в Индии. Предисловие редактора	297
В. С. Толокнов. Автобиография	302
Список публикаций В. С. Толокнова: статьи, тезисы	303
В. С. Толокнов. Сохранение этнической идентичности тибетцев в усло- виях диаспоры в Индии	305
Об авторах	354

CONTENTS

Foreword (<i>A. V. Zorin</i>) (in Russian)	7
Foreword (<i>A. V. Zorin</i>) (in English)	10
 Part 1. AT THE SOURCE OF TIBETOLOGY AND BUDDHOLOGY: THE OIRAT HISTORICAL LEGACY, 17TH AND 18TH CENTURIES	
<i>A. V. Zorin</i> . The Tibetan manuscripts from Sem Palat preserved in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS.	14
<u>Appendix</u> . The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of <i>Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa</i>	28
<i>V. P. Zaytsev</i> . Translation from the Tibetan language by the Fourmont brothers (1723)	75
<u>Appendix</u> . A letter of Abbe J.-P. Bignon to the Russian Tsar Peter the Great dated February 1, 1723	126
<i>A. A. Sizova</i> . On the First Attempt at Translating in the History of Tibetan Studies: Fourmont Brothers' Method	135
<u>Appendix 1</u> : Russian Translation of the article <i>Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis</i>	156
<u>Appendix 2</u> : Russian Translation of a fragment of G. S. Bayer's book	160
<u>Appendix 3</u> : Russian Translation of A. Giorgi's book	177
<u>Appendix 4</u> : Russian Translation of a fragment of G. F. Müller's article <i>De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio</i>	184
<i>V. B. Borodaev</i> . A Folio of the Mongolian "Golden" Kanjur with the Russian Inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library	195
<i>A. A. Turanskaya</i> . Mongolian manuscript fragments from the Oirat monastery Ablaikit preserved in the National Library of France.	246
<i>V. L. Uspensky, N. S. Yakhontova</i> . Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Chieftains Kept at the Saint Petersburg University Library.	267
 Part 2. IN MEMORY OF V. S. TOLOKNOV (1980–2016)	
<i>N. L. Zhukovskaya</i> . Let it be in memory of him, of what he did not have a chance to complete himself.	294
<i>A. V. Zorin</i> . V. S. Toloknov and his study of the Tibetan diaspora in India. The editor's foreword	297
<i>V. S. Toloknov</i> . An autobiography	302
The list of V. S. Toloknov's publications	303
<i>V. S. Toloknov</i> . Preservation of Tibetan Ethnic Identity in the Diaspora in India	305
Authors	354

В. Б. Бородаев

**ЛИСТ МОНГОЛЬСКОГО «ЗОЛОТОГО» ГАНДЖУРА
ИЗ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ЛИНЧЁПИНГА
С РУССКИМИ НАДПИСЯМИ 1720 ГОДА**

DOI 10.25882/aptm-aj16

Сделан комментированный перевод кириллических надписей на монгольском листе «золотого» Ганджура, хранящемся в Городской библиотеке Линчёпинга (Швеция). Доказано, что записи русской скорописью выполнены в июле 1720 г., упомянутое лицо документально отождествлено.

В историческом контексте событий 1714–1721 гг. рассматривается хронология обнаружения буддийских монастырей в Южной Сибири в петровское время и процесс разорения их российскими военными.

Доказывается наиболее вероятное происхождение линчёпингского листа из монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат) на р. Иртыш либо (с очень малой вероятностью) из какого-то монастыря в Монголии, близкого к верховьям Енисея.

Прослеживается последовательность поступления буддийских рукописей из Сибири в Петербург и в страны Европы в 1718 — начале 1740-х гг. Отмечена высокая вероятность связи листа из Линчёпинга с собранием Ф. Страленберга, хотя возможны и иные варианты, связанные с именами других шведских пленников, покинувших Сибирь в 1722–1723 гг.

Указывается на перспективность изучения переписки Эрика Бенцелиуса младшего с Ф. Страленбергом и Т. З. Байером для прояснения вопроса о происхождении листа, ошибочно названного Ю. А. Стриндбергом «Codex Renatus Lincopensis».

Ключевые слова: Буддийские рукописи, кириллические надписи, русская скоропись, Линчёпинг, Семь Палат, Дархан-цоржийн-хийд, ниша Чурумал, Аблай-хит, Эрик Бенцелиус младший, Ю. Г. Ренат, Ф. И. Страленберг, Т. З. Байер

Историографическое введение

В Городской библиотеке шведского города Линчёпинга хранятся три листа рукописей на монгольском и тибетском языках с фрагмен-

тами канонических буддийских текстов. Эти материалы поступили в Швецию из России в XVIII в.

Один из таких листов под шифром OL3 принадлежал изготовленному на синей бумаге парадному манускрипту, текст которого был написан на монгольском языке золотыми буквами по черному фону. В конце 1870-х гг. он привлек внимание начинающего литератора Юхана Августа Стриндберга (1849–1912), позднее ставшего крупнейшим шведским писателем и драматургом. В 1867–1872 гг. Стриндберг учился в Уппсальском университете, который так и не окончил. В молодые годы он испробовал ряд профессий: работал учителем, журналистом, а в 1874 г. стал помощником библиотекаря Королевской публичной библиотеки в Стокгольме. В фондах Городской библиотеки Линчёпинга будущего классика шведской литературы заинтересовал лист монгольской рукописи, написанной золотом на сине-черной бумаге.

Стриндберг знал о своем земляке Юхане Густаве Ренате (1682–1744), шведском артиллериисте, который во время Северной войны в 1709 г. попал в русский плен и был сослан в Сибирь, где в начале 1716 г. вторично был взят в плен, теперь уже западными монголами-ойратами. Ренат прожил среди монголов более 17 лет. В 1733 г. ойратский правитель отпустил пленника, и он смог через Россию вернуться на родину. Свои привезенные из Джунгарского ханства редкости Ренат позднее передал в библиотеку университета Уппсалы, где учился Стриндберг. Писатель предположил, что появление в Городской библиотеке Линчёпинга красивого листа с буддийским текстом, написанным по-монгольски, также связано с возвращением в Швецию Рената. Хотя эта версия не имела никаких убедительных аргументов, она так увлекла молодого исследователя, что в своих записках он поэтично назвал лист с золотыми монгольскими буквами «Codex Renatus Linco-pensis» [Rohnström, 1971: 294 (fig. 2), 296–297].

У листа, так заинтересовавшего Стриндберга, имелась еще одна удивительная особенность: на левом поле оборотной стороны располагались три строки рукописного текста на русском языке. Буквы кириллического алфавита были нанесены на бумагу с помощью пера и черных чернил, почерк соответствовал российской скорописи конца XVII – начала XVIII в.

Заслугой Стриндберга следует признать его внимание к этой надписи, верную идентификацию текста как написанного на русском языке и усилия, направленные на прочтение записи. В блокноте писателя сохранился листок с не слишком удачной попыткой скопировать графически три строчки этого текста, а также чей-то совершенно фантастический перевод срисованной надписи на современный ему русский язык [Rohnström, 1971: 302 (fig. 4)]. Первая попытка прочтения, предпринятая в XIX в., явно не удалась.

Записи Стриндберга с опытом расшифровки «Codex Renatus Lincolniensis» затерялись в недрах Королевской публичной библиотеки на многие десятилетия. В середине XX в. они были обнаружены внутри тома «Грамматики монгольского языка». Подробному рассказу об этой находке посвящена статья Джона Ронстрёма (1916–1994), изданная в 1971 г. в трудах Королевской библиотеки.

Написанный золотом монгольский лист из Городской библиотеки Линчёпинга Ронстрём верно определил как фрагмент буддийского канонического текста и отнес рукопись к концу XVII — началу XVIII в. Он рассказал о работе Стриндберга с монгольским листом, дал исторический экскурс о Ренате, сообщил сведения о его предполагаемой встрече в 1735 г. с епископом Эриком Бенцелиусом младшим (1675–1743), жившим в Линчёпинге. Подчеркнув, что все записи, оставленные Бенцелиусом в этот период, не имеют никаких указаний относительно монгольской рукописи, автор констатировал, что связь монгольского листа с Ренатом умозрительна и порождена художественным вымыслом будущего классика шведской литературы [Rohnström, 1971: 300–302].

В этой связи Ронстрём предположил, что «ключ к происхождению этого листа, возможно, содержится в особенно трудночитаемой и трудноинтерпретируемой записке чернилами на одной короткой стороне (оборот листа, рис. b, табл. XVIII)» [Rohnström, 1971: 301]. В своей публикации он воспроизвел интересующую нас запись в три строки на цветной и черно-белой фотоиллюстрациях [Rohnström, 1971: pl. XVII; pl. XVIII, fig. b (verso)]. Для прочтения текста, выполненного русской скорописью, автор обратился за помощью к доценту Уппсальского университета Карин Давидссон (1920–2011). В статье был опубликован ее перевод трех строк, написанных кириллицей (s. 301):

«АҢК году июля въ [в̃] де бѣлоярскои крѣст (= крѣстьянин?)
избошик (= извощик, извозчик?) Григо[рий] / Нечаевъ принялъ
провъ (= провозъ?) х каңу (?) / стоитъ гривну ему (?)».

(Сохранена орфография и построчная разбивка публикации Ронстрёма. В статье вынесенные над строкой буквы были подчеркнуты сплошной линией, а буквы, в прочтении которых оставались сомнения, подчеркивались точечным пунктиром (здесь выделены курсивом); помещенная в квадратных скобках строчная буква «в» под титлом обозначала гипотетическую цифру «2». — В. Б.)

Надо отдать должное Карин Давидссон: она смогла прочитать непостоянный рукописный текст на русском языке и относительно верно перевела три основных смысловых момента записи — сведения о време-

ни, месте и персоне. Однако в целом предложенное прочтение далеко не во всем соответствует русской записи и требует многочисленных уточнений.

Несколько позднее появилась новая интерпретация кириллического текста, которая, несмотря на старания Ронстрёма и Давидссон, вновь вводила в область вымыслов о Ренате. В 1979 г. известный австрийский монголист Вальтер Хайссиг (1913–2005) в своей статье почем-то указал, что на оборотной стороне листа из Линчэпинга русской скорописью написано, будто бы лист поступил во владение Рената в 1720 г. [Heissig, 1979: 200–201; цит. по: Алексеев, 2014: 211].

Необходимость нового прочтения и комментария трех строк русской скорописи на монгольском листе из Линчэпинга была ясна уже в 2014 г., когда благодаря содействию Александра Валерьевича Зорина я получил возможность познакомиться с таким необычным источником по истории Южной Сибири. Издание в 2019 г. в Казахстане монографии по итогам комплексного изучения буддийского монастыря Аблай-хит и собственные архивные находки дали новый материал для осмысления кириллического текста, заставив вернуться к шведскому сюжету.

Выражаю искреннюю признательность А. В. Зорину за деятельную помощь в работе над этой статьей, в частности за содействие в получении цифровых копий линчэпингского листа ¹, и Н. В. Ямпольской за сообщение сведений о кириллических надписях из Аблай-хита и любезно предоставленную возможность воспроизвести в моей работе ранее не опубликованную строку.

Уточненное прочтение кириллического текста

Запись из трех строк, написанных одинаковым почерком буквами русского кириллического алфавита, расположена на боковом поле монгольского листа. Текст выполнен черными чернилами, очевидно, с помощью традиционного для российских писцов пера. Небольшая утрата рукописной записи в конце первой строки уверенно восстанавливается, поэтому можно считать, что текст, написанный кириллицей, сохранился полностью (см. ил. 11).

При воспроизведении надписей, выполненных русской скорописью начала XVIII века, выносные буквы обозначаются нижним подчеркиванием; косой чертой отмечается конец строки; в квадратных скобках восполняются буквы, которых в оригинале нет.

¹ Цифровые копии листа и право его публикации были предоставлены Городской библиотекой Линчэпинга в электронном письме, отправленном библиотекарем Стиной Бродин А. В. Зорину 21.01.2020. (*Примеч. ред.*)

Надписи на поле монгольского листа

«АҮК году июля въ де бѣлѡярской крѣсти збошик гри<утрачено> /
ночаевъ принялъ провъ у казу (?) /
стоитъ градъ пусть /

Прочтение

1720 году июля въ де[нь] Бѣлѡярской крѣ[по]сти збо[р]шик Гри-
[горей] /
Ночаевъ принялъ про[ти]въ (?) указу (?) /
Стоить градъ пусть /

Комментарии

Расположенный на поле монгольского листа текст кириллического письма не имеет смыслового единства. Три строки текста, написанного кириллицей, судя по почерку, выполнены одним человеком. Однако образованы эти строки из нескольких не связанных по смыслу записей.

1. Основная, наиболее обширная и содержательная запись занимает верхнюю строку и левую часть средней строчки. Речь идет о жителе Белоярской крепости Григории Нечаеве.

В полном соответствии с канцелярским шаблоном того времени запись начинается с даты. Счет лет велся от Рождества Христова по юлианскому календарю, цифры «1720» традиционно написаны заглавными буквами кириллического алфавита «АҮК». Титло над числовыми значениями славянских букв в надписи не просматривается: либо оно оказалось выше, в обрезанной части листа, либо этого знака не имелось изначально. Однако характерный знак тысячи (так называемый «хвост»² — дважды перечеркнутая наклонная линия, идущая вниз от буквы «А») совершенно определенно указывает на то, что буквами обозначен год 1720-й. Месяц июль написан словом. День не назван: в записи использована стандартная формулировка «в _ день», но число не обозначено, для него даже место не оставлено.

Буквосочетание «крѣстизбошик» Карин Давидссон трактовала как «крѣст (= крѣстьянин?) избошик (= извощик, извозчик?)». С таким прочтением нельзя согласиться, поскольку слова «кресть–крещеный–крестьянинъ» в XVIII–XIX вв. писались через «е». С буквой «ять» писались слова другого смыслового ряда: «крѣпкій–крѣпко–крѣпость» [Даль, 1881: 193–195, 209–210]. Поэтому верным представляется чтение «Бѣлѡярской крѣ[по]сти збо[р]шик». Выпадение при написании слова целого слога необычно для канцелярских документов петровского времени, однако не будем забывать, что записи на чистом поле

² «Писмяна с хвостыма, те знаменуют тысячи» [Карский, 1901: 225].

буддийского листа неизвестный российский писец вел по собственной инициативе и для собственных нужд. Это обстоятельство, очевидно, позволяло употреблять необычные сокращения слов. Верность предлагаемой реконструкции слова «крепости» подтверждается документами, о которых пойдет речь ниже.

В Западной Сибири Белоярские ведомства существовали на Урале и в Верхнем Приобье. В конце XVII в. Белоярская слобода возникла в Зауралье на реке Пышма, правом притоке р. Туры. Судя по архивной описи, в 1719 г. там был «город рубленый», то есть деревянная крепость [Чупин, 1873: 239]. В 1717 г. на правом берегу Оби выше устья реки Чумыш, на Белом Яру, кузнецкими казаками была построена деревянная крепость, также названная Белоярской [Бородаев, Контев, 2015: 214–232].

Спустя два года в Кузнецком уезде проводилась перепись населения. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва) сохранилась подлинная «719-го году книга великого государя переписная города Кузнецка уездов Берского острога, Белоярской крепости и Мунгатцкого станца дворовому числу и в них людей мужеска полу от старости и до самого младенца со взят[ь]ем сказок и с прикладыван[ь]ем рук» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 170–294 об.]. В этой книге при описании 17 дворов деревни Усть-Чумышской ведомства Белоярской крепости под номером 567 имеется запись:

«Во дворе оброчной человек Григорей Нечаев сказал от рождения себе сорок лет. У него сын Василей тринадцати лет.

И что он, Григорей Нечаев, в сей скаске сказал ложно или утаил хотя едину душу, повинен он смерти.

Вместо ево, Григор[ь]я, по ево прошению Гаврило Мензелинец руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 267 об.].

Сами «сказки», то есть записанные рассказы жителей, были обширнее кратких сведений, заносившихся в переписную книгу. В них указывались происхождение, место выхода, время поселения, налоговое обложение, сведения о «верстании» (принятии на службу) в казаки, состав семьи (включая женщин), наличие пахотной земли и оброчных статей. В том же архиве удалось найти копию сказки 1719 г. жителя деревни «на Усть реки Чюмышу» Григория Кирилловича Нечаева:

(л. 70) «Во дворе оброчной Григорей Кирилов сын Нечаев сорока пяти [sic!] лет. Родом де он Сибирской губернии Соли Камской села Кривца тяглою крестьянин. Подати платил в казну великого государя денежные.

А из Усол[ь]я вышел в ΨА-м (701-м) году Тоболского уезду в Ышимские слободы и жил в Обацкой слободе в деревне Ировской лет з десят[ь] во драгунех, отправлял драгунскую всякую службы с ышим-

скими драгуны в ряд. А в Усол[ь]е де денежные подати вместо ево, Григорья, остался платит[ь] дядя его родной // (л. 70 об.) Полуян Нечаев. А в Ышимских слободах драгунскую службу оставил впусе.

А из Ышимских слобод в Кузнецкой уезд в Берской острог пришел в ΨДІ-м (714-м) году. И платил оброку по рублю на год. А под Белоярскую крепость приверстан в нынешнем ΨΘІ-м (719-м) году.

У него жена Анна Андреева дочь сорока лет, сын Василей тринадцати лет, дочь Василиса десяти лет.

Пашет он пашню и владеет санными покосы в Белоярском чертеже на порожней земле безоброчно и безотводно. А иных угодей и протчих промыслов у него никаких нет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 214. Л. 70–70 об.].

Судя по тексту этого документа, записанного со слов Григория Нечаева, после выхода за Уральский хребет он долгое время проживал в слободах на реке Ишим, где состоял в драгунской службе. В 1714 г. самовольно («драгунскую службу оставил впусе») ушел с Ишима на правобережье Оби. Первоначально семья поселилась на границе Томского и Кузнецкого уездов, где вскоре возникло ведомство построенного в 1716 г. Бердского острога [Бородаев, Контев, 2015: 186–189]. Здесь Григорий числился оброчным крестьянином, платил денежный оброк за пользование землей. В 1719 г., незадолго до переписи, он вновь переселился, теперь в ведомство недавно возведенной Белоярской крепости. Причина такого перехода объяснена в сказке Григория Нечаева: он был «под Белоярскую крепость приверстан», теперь «пашет он пашню и владеет санными покосы в Белоярском чертеже на порожней земле безоброчно и безотводно». Это означает, что в новом ведомстве Григорий из оброчного крестьянина превратился в беломестного казака.

Государева жалованья такие казаки не получали, они служили за землю, освобожденную от податей. Безоброчные земли назывались белыми местами, поэтому и казаки, пахавшие эти земли, именовались беломестными. Практика принятия на службу за пользование землей была распространена в то время в ведомстве Белоярской крепости, где людей не хватало и местная власть стремилась закрепить переселенцев на новых местах [Булыгин, 1974: 26–27, 32]. Хотя в переписной книге житель Усть-Чумышской деревни Григорий Нечаев назван оброчным человеком, фактически с 1719 г. он являлся беломестным казаком, то есть состоял на государственной службе. В отличие от оброчных крестьян, жизнь казаков была значительно мобильнее; их отправляли с поручениями в различные поездки.

Нет никаких сомнений в том, что упомянутый в надписи на листе из Линчепинга «Белоярской кре[по]сти збо[р]щик Григорей Ночаев» и

переселившийся в 1719 г. в ведомство Белоярской крепости Григорий Нечаев — это один и тот же человек. Поэтому написанное слово «збошик» можно реконструировать как «збо[r]шик» — лицо, уполномоченное собирать какие-то денежные суммы или иные ценности (подати либо пожертвования, например, на церковь). Заканчивается фраза глаголом «принял». Что принял Григорий Нечаев и где произошло это событие, в записи, к сожалению, не поясняется.

2. После глагола «принял» в правой части средней строчки написано: «провъ у казу (?)». Слово «провъ» читается четко и уверенно, а в следующем слове, наоборот, две последние выносные буквы малопонятны, но всё же более похожи на «зу».

В статье Ронстрёма это место прочитано и предположительно объяснено как «провъ (= провозъ?) х казу (?)». Такое осмысление текста явно неверно: поскольку хорошо различимое слово «провъ» бесспорно заканчивается твердым знаком, предложение читать его как «провозъ» вызывает решительное возражение; кроме того, среди выносных букв «н» точно нет.

В качестве альтернативы предлагается два гипотетических варианта объяснения этого наименее понятного отрывка русскоязычного текста на поле монгольского листа из Линчэпинга.

Во-первых, можно вслед за Карин Давидссон считать рассматриваемый отрывок продолжением предшествующей записи. В таком случае возникает вариант прочтения «приняль про[ти]въ указу». Такое словосочетание не противоречит нормам языка XVIII–XIX вв., когда наречие «противъ» применялось в значении «сравнительно, сообразно с» [Даль, 1882: 539; Панин, 1991: 129]. Этот вариант вновь требует допущения, что писец при записи сократил слово на две буквы, чего в обычной канцелярской практике петровского времени будто бы не встречалось. Однако в первой строке, в словосочетании «Белоярской кре[по]сти», уже достоверно зафиксирован такой прецедент, что делает предложенное прочтение вероятным.

Во-вторых, можно допустить, что запись в правой части средней строки «провъ у казу (?)» является самостоятельной, не связанной по смыслу с предшествующим текстом. В этом случае ясно читаемое первое слово может означать только мужское имя Пров [Петровский, 1966: 183], смысл следующей короткой надписи остается неясным. Имя Пров — весьма редкое в России. В многочисленных сибирских документах XVII — первой половины XVIII в. упоминаний о мужчинах по имени Пров я не встречал. В целом первый вариант прочтения кажется предпочтительнее.

3. В третьей строке написана короткая фраза «Стоить град пустъ». Первые два слова сомнений не вызывают, в последнем необычна буква «п», но в целом иных вариантов прочтения не находится. Эта надпись не имеет отношения к записи о Григории Нечаеве. Весьма вероятно, что она каким-то образом связана с обстоятельствами обнаружения самого листа, которые были известны писцу; ведь использование для записей столь необычного материала не могло не вызвать любопытства. Несомненно, писец знал больше, чем мы, о происхождении этого листа с золотыми буквами, извлеченного из парадной рукописи на «калмыцком» языке. Не об этом ли прозрачно намекает фраза «Стоит град пуст»?

Пустым городом в то время могли называть именно заброшенный буддийский монастырь с сохранившимися постройками и остатками библиотеки. В качестве иллюстрации к этому тезису можно указать на один из пояснительных текстов изданной в Амстердаме в 1725 г. карты Российской империи. На левом берегу Иртыша там помечены знаками и подписаны монгольские монастыри «Ablaykyt», «Bostachankyt», «Otschurtchankyt». Над ними помещена надпись: «3 Villes desertes des Callmuckes» — «Три пустынных (необитаемых) города Калмыков» (рис. 1).

Рис. 1. Три опустевших буддийских монастыря в Прииртышье. Фрагмент анонимной карты Российской империи, изданной в Амстердаме в 1725 г.

Наряду с предложенной простой и рациональной версией о связи надписи с обстоятельствами находки листа, краткая, но ёмкая фраза «Стоит град пуст» может иметь и другие варианты объяснения, отсылающие нас в область русского фольклора.

В недавно изданной коллективной монографии об изучении Аблай-хита опубликован лист монгольской рукописи религиозного содержания с позднейшей кириллической надписью в одну строку, выполненной почерком XVIII в. На боковом поле листа рядом с буддийским текстом выведено по-русски: «Стоит град на пути», а выше пара букв «д», написанных той же рукою (см. ил. 12). Наталия Васильевна Ямпольская в своем комментарии справедливо указывала: «Судя по тому, что рядом с этим предложением два раза отдельно начертана буква *д*, перед нами результат упражнения в искусстве владения пером. Фраза, написанная неизвестным каллиграфом, — это цитата из древнерусского апокрифического текста „Беседа трех святителей“, состоящего из вопросов-загадок и ответов на них. Одна из загадок звучит так: „Стоит град на пути, а пути к нему нет; идет посол нем, несет грамоту ненаписану, дает читать безграмотному“. Ответ на нее: „Град есть Ноев ковчег плавал по водам потопным; а посол нем — то есть чистая голубица; а грамота неписана — масличный сучец, и принесе Ною в ковчег; а безграмотный — Ной праведный“» [Ямпольская, 2019с: 274–275, рис. 74].

Действительно, старинная библейская загадка о Ноевом ковчеге и голубе «Стоит град между небом и землей, а идет к граду посол нем, а несет грамоту неписаную» входила уже в ранние русские редакции «Беседы трех святителей» и была любима в средневековой Руси [Лурье, 1988: 91]. Загадка о «граде»-ковчеге и «немом после»-голубе бытовала в древнем Новгороде. Документальным подтверждением этого стала археологическая находка — ободок берестяной чашечки с надписью в две строки:

«Есть град между нобом и землею а к ному еде посол без пути
сам ним везе грамоту непсану»

При публикации эту находку датировали XV в., современные исследователи относят ее к середине XIV в. [Арциховский, Тихомиров 1953: 43; Зализняк, 2004: 617].

Широкое распространение в отечественной письменности «Беседа трех святителей» получила в XVI–XVIII вв. [Мочульский, 1893: 144–150]. С течением времени фольклорная эволюция изменила начальную фразу загадки о Ноевом ковчеге. В рукописи рубежа XVII и XVIII вв. встречаем новый зачин: «Стоял град на пути, а пути к нему нет, прииде к нему посол нем, принесе грамоту неписаную» [Пыпин, 1862: 171]. Такой вариант старинной загадки нашел отражение в упражнениях русского писца на листе из Аблай-хита ³.

³ На оборотной стороне того же листа между строк монгольского письма имеется еще одна кириллическая надпись в одну строчку, выполненная другим почерком (см. ил. 13). Содержание этой строки я разобрать не смог. На-

В своем комментарии, посвященном этому листу с кириллической надписью, Н. В. Ямпольская напоминала о русском тексте на листе из Линчэпинга и прозорливо указывала: «В варианте прочтения, предложенном шведскими исследователями, надпись заканчивается словами „стоит гривну ему“, однако эти слова, как и вся надпись в целом, читаются с большим трудом. Самые четкие буквы („стоять гр“) совпадают с обнаруженной на рукописи Ms. 1 цитатой из „Беседы трех святителей“ — „Стоить Град“» [Ямпольская, 2019с: 275].

Как сказано выше, в нижней строке кириллического текста на листе из Линчэпинга написано «Стоить град пуст». Дает ли эта фраза основание для ассоциации со старинной загадкой? На первый взгляд, нет. Поэтическое сопоставление Ноева ковчега с городом рисовало «град», наполненный жителями, а вовсе не опустевший корабль без обитателей. Казалось бы, в контексте библейской легенды фразы «Стоит град на пути» и «Стоит град пуст» противоположны по смыслу. Однако многовековая переработка популярного текста в народной среде оставила нам и такой нелогичный вариант: «Стоит град пуст, пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту неписану». Этот текст находится в конце рукописного «Азбуковника» XVII в. [Отчет ИПБ, 1885: 199–201] наряду с двумя записями разными почерками «Сия книга глаголемая алфавит» [РНБ, загадка]. Судя по имеющимся материалам, вариант с таким зачином единичен, в публикации русских загадок он не попал. Однако наличие этого текста не позволяет полностью отрицать связь короткой фразы на листе из Линчэпинга с начальной строкой русской загадки о Ноевом ковчеге.

В развитие этой темы добавим, что во второй половине XIX в. была зафиксирована русская загадка: «Стоит град пуст, а около града растет куст, из града идет старец, несет в руках ставец, в ставце-то взварец, а во взварце-то сладость» [Садовников, 1876: 180, № 1456; Даль, 1880: 195]. В сборнике Д. Н. Садовникова она помещена в рубрику «Подрезка мёда». Здесь пустым городом назван пчелиный улей. Документального подтверждения существования такой загадки в XVIII веке я не нашел.

Каких бы версий ни придерживался современный читатель относительно короткой фразы в нижней строке кириллического текста на листе из Линчэпинга, можно сказать вполне определенно, что с верхней записью о Григории Нечаеве фраза «Стоит град пуст» связана только личностью писца: все три строки начертаны одним почерком. Смыслового единства у этого текста не обнаруживается. Монгольский лист был использован писцом как подручный материал для различных

деюсь, что публикация второй кириллической надписи будет способствовать её прочтению.

записей. Подобный характер использования демонстрирует и лист с кириллическим текстом из Аблай-хита, опубликованный Н. В. Ямпольской. Наряду с фразой, обозначающей начало широко известной в XVIII в. загадки, на нем видны следы упражнений того же писца в каллиграфии.

Некоторые итоги

Записи российским письмом на поле буддийского листа имели частный характер — они были составлены каким-то грамотным человеком для себя на имевшемся в распоряжении писчем материале. На неофициальный статус справочной пометы о жителе ведомства Белоярской крепости Григории Нечаеве указывают элементы стенографии (совершенно нехарактерное для канцелярских записей выпадение слога в слове «крепости» и др.), соседство с фразой «Стоит град пуст» и сам характер выбранной бумаги.

Все три строки кириллического текста написаны одной рукой. Из этого следует, что надписи сделаны в коротком временном интервале, опорная дата которого указана в самой надписи — июль 1720 г. Упомянутый в тексте Григорий Нечаев выявлен и подтвержден документально. Белоярская крепость уверенно отождествляется с таковой на Верхней Оби. Время действия тоже не вызывает сомнений.

Использованный писцом канцелярский фразеологический шаблон определенно указывает на то, что запись синхронна событию. Это не помета «задним числом», выполненная долгое время спустя. Основной вывод проведенного анализа русскоязычного текста на поле буддийского листа из Линчэпинга можно сформулировать так: запись о Григории Нечаеве действительно была сделана в июле 1720 г.

Вопрос о происхождении листа в контексте сибирских событий 1714–1720 гг.

Лист из Линчэпинга входит в группу буддийских рукописей, попавших в распоряжение российских сибиряков еще до начала строительства Усть-Каменогорской крепости. Именно этим он интересен в историко-культурном контексте. После выхода в свет коллективной монографии, посвященной исследованиям Аблай-хита, вопрос о времени и обстоятельствах начала знакомства приграничных сибирских жителей с рукописным наследием заброшенных буддийских молелен неожиданно приобрел полемическую остроту. Попробуем осветить этот период, опираясь на документальные материалы российских архивов и свидетельства очевидцев.

Историческая ситуация в Южной Сибири в 1714–1720 гг.

Второе десятилетие XVIII в. стало временем активной военной экспансии Российского государства вверх по Иртышу, Оби и Енисею. Сложившаяся столетием ранее граница с западными монголами-ойратами была отодвинута до Алтайских и Саянских гор. В это время на правобережье Иртыша и Верхней Оби появились линии российских крепостей, на Енисее возник Саянский острог (см. ил. 14). Процесс военного продвижения к Алтаю и Саянам был обусловлен именными указами Петра I (1672–1725) и в связи с этим делится на три хронологических этапа ⁴.

Май 1714 г. – январь 1716 г. План захвата ойратского города Эркет (Яркенд) предложил Петру I сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин (1658–1721). Ойраты в источниках того времени фигурировали под именем «калмыков», а титул их правителя хунтайджи русские выговаривали и писали как «контайша». Во время своего приезда в столицу в начале 1714 г. Гагарин показал царю золотой песок, купленный в Тобольске, объяснил, что это золото добывают около города Эркет во владениях контайши, и предложил организовать поход с целью захвата столь желанных для России промыслов. Письменно он сообщил царю, что путь к драгоценной россыпи «лежит от Тобольского до половины рекою Иртышем. ... И от той реки на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша». По мнению Гагарина, для продвижения по калмыцким степям требовалось построить цепочку крепостей. Первое укрепление следовало возвести на берегу Иртыша около Ямышевского озера, откуда намечался поворот в степь.

На доношении сибирского губернатора Петр I 22 мая 1714 г. написал: «Построить город у Ямыш озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лотки пройти могут». Руководителем военной экспедиции царь назначил подполковника Ивана Дмитриевича Бухолца (1672–1741). В ноябре 1714 г. он прибыл в Тобольск, 30 июня 1715 г. Бухолц с многочисленным отрядом отправился в плавание вверх по Иртышу и достиг Ямышевского озера лишь в октябре. Здесь отряд построил крепость и остановился на зимовку. В феврале 1716 г. военный лагерь был атакован ойратами. Блокада продолжалась до конца апреля, она привела к большим потерям среди осажденных. Как только Иртыш освободился ото льда, остатки войска покинули крепость и уплыли в российские пределы.

⁴ Подробное изложение описанных ниже событий и документы, рассказывающие об этом, см.: [Бородаев, Контев, 2015: 105–334]. Все цитаты взяты из указанного текста. Электронный вариант книги с функцией поиска размещен на сайте ИВР РАН:

http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/b_borodaev_kontev_2015.pdf

Январь 1716 г. — январь 1719 г. На втором этапе продвижения к Алтаю и Саянам были изменены цели и задачи уже начатой военной операции. К тому времени в Россию вернулся Федор Трушников, специально посланный в 1713 г. из Тобольска к ойратам «для проведыванья о промыслу в Калмыках золота». Побывав во владеньях хунтайджи, он узнал, что в Яркенде промысел золота прекращен. После этого из Урги Трушников уехал в Китай, где собрал сведения о золотодобыче китайских калмыков близ озера Кукунор и тангутов в Тибете на реке Алтын-гол (истоки р. Хуанхэ). В подтверждение своих слов он привез из Китая золотой песок. В январе 1716 г. Гагарин в столице представил своего разведчика лично Петру I. Сведения Трушникова привели к существенной корректировке первоначального плана по овладению золотonosными промыслами соседнего государства. Теперь целью становились месторождения на территории Китая.

Продвижение к золотonosным районам, о которых сообщил Трушников, требовало выхода на южные склоны Алтае-Саянских гор. Для этого необходимо было подняться к истокам Иртыша, Оби, Енисея и даже Селенги, а затем перевалить через водораздельные хребты.

После одобрения такого плана Петром I Гагарин, ссылаясь на именной указ царя, послал в январе 1716 г. приказ иркутскому коменданту «зделать город и умножить людьми на озере Косогол, из которого выпала река Селенга». В октябре 1717 г. он сообщил Петру I, что «на Косоголе озере, из которого течет река Селенга... город зделан; и ныне в том городе сто человек казаков оставлено».

Другим направлением военного проникновения в сторону Кукунора стало движение к истокам Енисея. По словам Гагарина, он в 1716 г. «доносил его величеству в Питербурхе, что на Енисейских вершинах конечно надобно строить городы; которые вершины подошли в близости к тем местам, где Трушников у калмыков купил золото в тех местах, где копали те калмыки». Получив именной указ Петра I, Гагарин, наряду с распоряжением, посланным в Иркутск, отправил приказ о строительстве новых крепостей коменданту Красноярска. У северных отрогов «Саянского камня» тот должен был выбрать место, где удобно «зделать острог, или рубленую, или земленую крепость». Одновременно требовалось послать разведочный отряд вверх по реке до енисейского Большого порога с целью найти «у того порогу место, где б над тем Первым Болшим порогом зделать город или острог». Конечной точкой предписанного маршрута было устье «реки Кеми, которая впадала в реку Енисей выше Саянского камня». Речь шла о современной реке Хемчик, левом притоке Верхнего Енисея. По представлениям Гагарина, эта река впадала в Енисей южнее («выше») Саянских гор. Таким образом, по замыслу губернатора красноярским разведчикам

поручалось, двигаясь вдоль Енисея, пересечь Саянские горы и выйти к их южным отрогам, откуда степью было уже не так далеко до китайских золотых россыпей. «И на той реке, — приказывал Гагарин, — явить тем посланным имянной указ великого государя: велено на усть[е] той реки Кеми в удобном месте на Енисее сделать город, и чтоб к ним ходить рекою Енисеем судами».

В апреле 1717 г. из Красноярска был послан вверх по Енисею разведочный отряд численностью 30 человек во главе с Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. В начале мая лодки достигли Большого Саянского порога, затем поднялись до устья современной реки Хемчик. Осмотрев место, Еремеев и Нашивошников пришли к выводу, что из-за отсутствия леса строить здесь крепость нецелесообразно. При знакомстве с окрестностями казаки прошли до следующего левого притока Енисея — речки Чжакуль (совр. р. Чаа-Холь). Здесь разведчики обнаружили высеченную в скале буддийскую нишу с вытесанными фигурами каменных идолов⁵. Внутри находилось множество рукописей, часть из которых казаки привезли в Красноярск.

В то время на развалинах прииртышских монастырей сибирские военные еще не бывали, хотя Иртыш оставался единственным районом, где в 1716 г. велось крепостное строительство, связанное с российским военным продвижением в Центральную Азию. Царский приказ плыть по Иртышу «вверх, пока лотки пройти могут» сохранял актуальность. В июле 1716 г. из Тобольска на Ямышевское озеро был направлен отряд во главе с полковником Федотом Алексеевичем Матигоровым, который рядом с полуразрушенной крепостью Бухолца построил «малый острог» и перезимовал в нем, выдержав длительную осаду ойратов.

В марте 1717 г. Гагарин извещал царя: «А к Ямышеву для строения немалой крепости отправляю вскорости». Руководителем строителей большой Ямышевской крепости, который должен был сменить Матигорова, губернатор назначил подполковника Прокофия Степановича Ступина. Сразу после вскрытия Иртыша он с многочисленным отрядом отплыл к Ямышевскому озеру и к осени восстановил большую крепость.

Тогда же от Ямышева вверх по Иртышу Ступиным был отправлен разведывательный отряд из капрала, 14 солдат и грамотного человека для описания водного пути. Никаких документальных свидетельств об

⁵ Современное название этой скальной буддийской часовни — ниша Чурумал-бурханнэг в горе Сюме.

Основоположник научного изучения средневековой Тувы Леонид Романович Кызласов (1924–2007) датировал нишу близ устья р. Чаа-Холь (Чурумал-бурханнэг) XIII–XIV вв. [Кызласов, 1969: 144, 151].

этой экспедиции не найдено, о ней известно только по короткому сообщению Г. Ф. Миллера: «Obrist-Lieutenant Stupin im Herbste des 1717. Jahres ... einen Corporal mit 14 Mann Soldaten und einen Schreiber zu Wasser dahin abschickte, die den ersten umständlichen Bericht davon überbrachten. Dort sind die ersten Tangutischen Schriften gefunden worden» [Müller, 1760: 256]. Участники плавания первыми достигли развалин буддийского монастыря Дархан-цоржийн-хийд (монг. Darqan čorji-yin keyid), позднее известного у русских под названием Семь Палат, где, по словам Миллера, были найдены первые буддийские («тангутские») рукописи.

Получив сведения об удобном для проживания месте, Ступин в октябре 1717 г. послал отряд из трехсот человек во главе с Борисом Александровичем Чередовым «для дела крепости на урочище у больших полат». Отряд поднимался по Иртышу поздней осенью и не успел достичь цели до заморозков. Зимовать пришлось в небольшом наскоро построенном укреплении на Калбасунской протоке. В пункт назначения казаки прибыли весной 1718 г. Семипалатную крепость Чередов заложил в недалеком расстоянии ⁶ ниже Семи Палат. Летом того же года полковник Федот Матигоров вернулся из Тобольска в Ямышевский форпост, а Прокофий Ступин отправился руководить возведением Семипалатной крепости. Осенью строительство было закончено. Теперь неподалеку от Семи Палат размещалось командование военной экспедиции, здесь же находился многочисленный гарнизон, представители которого, несомненно, неоднократно бывали на месте заброшенного монастыря.

К осени 1718 г. были построены на Енисее — Саянский (Подкаменный) острог у подножия Саян, в верховьях Оби — Белоярская крепость и около северных отрогов Алтая Бийская крепость. В Красноярске и Кузнецке уже были получены распоряжения сибирского губернатора о строительстве крепостей на Большом пороге Енисея и на Телецком озере в истоках Бии. На Иртыше готовились к продвижению на озеро Зайсан. Одобренный царем в январе 1716 г. план Матвея Гагарина подняться по сибирским рекам и перевалить через южные горы, отделявшие Сибирскую губернию от китайских золотоносных месторождений, в течение 1716–1718 гг. начал реализовываться.

Однако в 1718 г. Гагарин неожиданно для него впал в немилость. С весны, после его прибытия в столицу, начались допросы по эконо-

⁶ Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), посетивший развалины монастыря в 1734 г., в своих записках сетовал на путь, «который был очень труден для лошадей», и определял расстояние от крепости до Семи Палат примерно в 16 верст [Gmelin, 1751: 215]. Геодезист Василий Михайлович Шишков, посетивший те же места в 1737 г., расстояние между крепостью и монастырем оценил в 10 верст [Бородаев, Контев, 1999: 127].

мическим делам. Помимо злоупотреблений в торговле с Китаем его обвиняли в недоборе налогов, которые должны были поступать в государственный бюджет из губернии, и в «утайке сибирских разных сборов». В Сибирь Матвей Петрович Гагарин уже не вернулся. По результатам деятельности следователей-гвардейцев 11 января 1719 г. он был официально отстранен от должности и взят под стражу.

Январь 1719 г. — январь 1721 г. На третьем этапе продвижения в Алтае-Саянские горы царь вновь изменил цели и задачи широкомащтабной военной операции, начатой в Сибири по инициативе Гагарина. В январе 1719 г. Петр I приказал «о нем, Гагарине, сказывать в городах Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть». В соответствии с этим военная авантюра стала приобретать негативный оттенок. Годы шли, расходы немалые, а до чужого золота по-прежнему было далеко.

18 января 1719 г. Петр I подписал указ об отправке в Сибирь гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева (1676–1728). Он начинался словами: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина». Кроме следствия Лихареву поручалось, во-первых, проверить верность сведений «о золоте эркецком, подлинно ль оное есть»; во-вторых, «старатца сколько возможно, дабы дойти до Зайсана озера» и построить там крепость; в-третьих, «проездивать о пути от Зайсана озера к Иркети». Мысли и дела Петра I вновь вернулись к золоту Яркенда. Вопрос о строительстве острогов в Саянах и на Телецком озере потерял смысл и отпал сам собою.

В апреле 1719 г. Лихарев со своей командой прибыл в Тобольск, где занялся следствием по делу Гагарина и сбором сведений об «эркецком» золоте. Военным продвижением в верховья Иртыша руководил Прокофий Ступин, которому Лихарев направил приказ «итти ему из Семиполатной крепости вверх Иртыша реки и по усмотрению ево, где надлежит, построить вновь крепость». Летом 1719 г. ниже устья реки Убы была возведена Убинская крепость. От нее до Алтайских гор оставалось меньше недели плавания.

Царское предписание дойти до озера Зайсан Лихарев выполнил в 1720 г. В начале мая его отряд отплыл из Тобольска. Двигаясь «днем и ночью», флотилия 19 июня достигла Семипалатной крепости, 22 июля лодки поднялись на озеро Зайсан, через два дня вошли в Черный Иртыш и до конца июля продвигались к его истокам. 1 августа произошло вооруженное столкновение с ойратами. На следующий день состоялись переговоры, после чего участники экспедиции «от тех мест возвратились, опасаясь от них, чтоб от контаиши не прибыл сикурс». Лихарев спустился по Черному Иртышу на Зайсан, «а вышед ис того озера, прошед Камень, при устье зделал крепость Устье каменных

гор». Таким образом, на место будущей Усть-Каменогорской крепости отряд прибыл к середине августа 1720 г.

Заложив новый российский форпост, гвардии майор поручил его строительство прибывшему из Семипалатной крепости подполковнику Ступину, а сам спешно возвратился в Тобольск, откуда выехал в Петербург. После знакомства с результатами экспедиции Лихарева Петр I отказался от планов военного продвижения в Центральную Азию. 19 января 1721 г. царь написал в своем указе: «С контайшею зделать мир».

Хронология обнаружения первых буддийских листов в Сибири

До августа 1720 г. российские сибиряки и жители Петербурга уже держали в своих руках буддийские рукописи из заброшенных ойратских молелен. Лист из Линчэпинга входит в эту группу наиболее ранних приобретений. Чтобы понять, откуда он мог происходить, рассмотрим кратко сведения о появлении буддийских рукописей в России в 1710-е годы ⁷.

По словам Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), «До Бухгольцовского похода... никто о найденных в Сибири неизвестных письменах не упоминал» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 58].

Впервые листы буддийских рукописей из заброшенной молельни привезли в Россию красноярские казаки, побывавшие в мае 1717 г. на устье реки Чжакуль. Судя по всему, красноярский воевода не придавал значения этой находке и никаких официальных сообщений о них в Тобольск не направлял. Часть необычных листов оставалась в Красноярске до 1722 г., когда туда приехал Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735), который поселился у Ивана Нашивошникова, одного из руководителей экспедиции 1717 г. К тому времени «большая часть листов успела пойти мальчикам на хлопушки. Заметив это, Мессершмидт упросил хозяина уступить ему остальные и без особого труда, с разрешения тогдашнего красноярского воеводы, добыл их», — рассказывал Миллер в своей неизданной рукописи [Радлов, 1894: 75]. В 1735 г. при посещении Красноярска историк сам беседовал с Нашивошниковым и взял у него письменные показания, в которых Иван сообщал: «И будучи выше Кемчуга реки за Саянским камнем на речке Чжакуле, и нашел в каменной пещере татарских писем на синей бумаге многое число, и взял я из тех писем листов с дватцать, и привез с собою в город Красноярск» [Радлов, 1894: 78]. В своем исследовании

⁷ Основные тезисы этого раздела уже изложены в работах А. В. Зорина [Зорин, 2015; 2020; Zorin, 2015].

Миллер, тщательно собиравший информацию о находке 1717 г., писал об обладателях рукописей во множественном числе: «Они, возвратясь в Красноярск... привезли с собою несколько листов расписанной золотыми и серебряными буквами синей и черной бумаги» [Радлов, 1894: 75]. Таким образом, листы буддийских рукописей на сине-черной бумаге с текстом, написанным золотыми буквами, к июню 1717 г. могли быть у нескольких жителей Красноярска⁸.

В сентябре-октябре 1717 г. в Ямышевскую крепость вернулся разведывательный отряд, который впервые доплыл до развалин монастыря Дархан-цоржийн-хийд, вскоре получивших русское название Семь Палат. По свидетельству Миллера, в составе отряда был «Schreiber zu Wasser», который представил подполковнику Ступину «первый обстоятельный отчет» [Müller, 1760: 256]. О доставке образцов рукописей ничего не сообщается, хотя это кажется вполне вероятным.

В мае 1718 г. в недалеком расстоянии от Семи Палат, ниже по Иртышу, была заложена Семипалатная крепость, после чего началось активное освоение окрестностей сотнями строителей. К осени возведенная крепость стала передовым российским форпостом на Иртыше. После переезда сюда Ступина она должна была еще более наполниться войсками.

⁸ Скальная ниша Чурумал позднее изредка посещалась красноярскими жителями. Сохранилось краткое описание ее казаком Дмитрием Шаровым, участником плавания 1717 г., который в 1721 г. «у помянутой пещеры был» [Радлов, 1894: 76]. Любопытно, что в конце того же, 1721-го, года в Абаканском остроге на Енисее Д. Г. Мессершмидт смог приобрести «монгольские рукописи... на черной бумаге с золотыми письменами (без указания количества)» [Зорин, 2021: 307, 318], что хорошо согласуется с находками 1717 г. Следующую экспедицию из Красноярска к устью Хемчика и далее вверх по Енисею организовали в 1726 г. Она была связана с российско-китайским разграничением. Посещение рукотворной «пещеры» вновь привело к поступлению в Красноярск листов буддийских рукописей [Радлов, 1894: 75–77].

А. В. Зорин, посвятивший отдельную статью тибетским рукописям из Абаканского острога, подозревает, что «Мессершмидт, в конце 1721 г. находившийся в Абаканском остроге, получил там несколько листов из Семи Палат или Аблай-хита (или из обоих). ...К концу 1721 г. рукописи из Аблай-хита вполне могли достичь Абаканского острога и попасть к нему» [Зорин, 2021: 307]. Если это мнение верно, то в окраинной крепости на Енисее в 1721 г. теоретически могли собраться буддийские листы сразу из всех трех молелен, разорвавшихся российскими военными. Осталось только изобразить на карте путь, по которому рукописи Семи Палат и Аблай-хита гипотетически были доставлены в Абаканский острог. В то время ближайшая дорога с Иртыша на Енисей начиналась из города Тары (ил. 14), далее через Чаусский острог и Томск она приводила в Красноярск, откуда до места приобретения листов было уже не слишком далеко.

Официальных канцелярских документов о находках буддийских листов среди развалин Семи Палат в архивах не выявлено. Однако имеются вполне определенные и довольно многочисленные частные свидетельства таких находок, которые достаточно убедительны.

Хронологически наиболее ранними являются записи Христиана-Фридриха Вебера, ганноверского резидента при дворе Петра I, который с февраля 1714 г. жил в Петербурге. Вебер покинул Россию в октябре 1719 г. [Беспятых, 1991: 16–17]. Уже в 1721 г. он издал в Ганновере первую часть своих записок под названием «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия»). При описании Петербурга Вебер рассказал о Кунсткамере — «превосходнейшем кабинете редкостей», где хранились старинные вещи, полученные царем «изо всех азиатских областей». В частности, он упоминал «древности, которые найдены были у Каспийского моря в разных развалинах языческих капищ и молелен, в 1716 и 1718 гг., и которые состоят из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых еще рукописей на пергаменте (они были у меня в руках)» [Вебер, 1872: 1420].

По мнению исследователей, Вебер держал в руках листы буддийских рукописей из какого-то заброшенного ойратского монастыря [Зорин, 2015: 104; Ямпольская, 2019а: 197]. Связывать эти находки с Аблай-хитом не позволяет отъезд Вебера из России осенью 1719 г. К этому времени Иван Михайлович Лихарев еще находился в Тобольске и только готовился к плаванью по Иртышу, до закладки Усть-Каменогорской крепости оставался почти год. Остается признать, что до обнаружения Аблай-хита в Петербурге уже были буддийские рукописи из Сибири другого происхождения.

О находках буддийских листов в развалинах Семи Палат первым упомянул шотландский врач и путешественник Джон Белл (1691–1780). Он приехал в Тобольск в середине декабря 1719 г. и покинул город 9 января 1720 г. [Белл, 1776: 164, 180]. В своих путевых записках, в разделе о реке Иртыше, Белл, пользуясь опросными сведениями, рассказал про Семь Палат: «Сие строение, сколько мог я о том увидеть, построено из кирпичей или камней и пребывает еще во всей своей целости. ...Многие из сих комнат набиты свитками лакированных бумаги, на которой находятся золотые писмена. Некоторые из сих свитков черны; но большая их часть еще бела. Буквы сии написаны на Тунгусском или Калмыцком языке». Далее Белл рассказывал, как он встретил на улице в Тобольске солдата, «который держал в своих руках несколько из сих свитков, которые и купил я у него за весьма дешевую цену». «Я их сохранил до возвращения моего в Англию, — сообщал Белл в своей книге, — где их роздал некоторым моим друзьям и между прочими ученому в древностях мужу, г. Гансу Слоану, кото-

рый дал им место в своем кабинете» [Белл, 1776: 173]. В настоящее время часть этих листов хранится в Британской библиотеке [Ямпольская, 2019b: 219–221].

Когда Джон Белл уезжал с приобретенными рукописями из Тобольска, Иртыш был скован льдом, до начала плавания Лихарева оставалось ровно четыре месяца, а до закладки Усть-Каменогорской крепости более восьми месяцев. Даже если бы шотландец ничего не объяснил своим читателям о месте находки рукописей, которые он приобрел в Тобольске, хронологические рамки события не оставляли бы нам выбора (см. табл. 1). Допустить, что это листы с Енисея, вряд ли решатся даже закоренелые фантазеры. Единственным местом, где в руки солдат могли попасть буддийские листы в 1719 г., были Семь Палат.

Летом 1734 г. Миллер сам осмотрел руины монастыря и оставил в путевом дневнике следующую запись: «26 июля приехали в Семипалатную крепость... На другой день ездили мы к старинным развалинам так называемых Семи Палат, по которым и крепости дано звание. Сии Семь Палат наипаче славны по обретенным прежде сего в оных тангутским письмам» [Радлов, 1894: 87–88]. Попытки найти среди жителей крепости свидетелей, способных рассказать про монастырскую библиотеку, дали неожиданный результат. В своей статье, изданной после возвращения из Сибири, Миллер сообщал: «Жители... утверждают, что, сколько они помнят, там никаких цельных листов найдено не было, и говорят, что все листы добыты из Аблайкитских развалин». Однако это не поколебало уверенности ученого в том, что именно из Семи Палат поступили первые буддийские листы в Петербург: «Те, которые впервые сибирским воеводою поднесены были Петру Великому, по общепринятому мнению, добыты оттуда» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 58–59]. В 1718–1719 гг. эти листы с Иртыша разглядывал в Петербурге Х.-Ф. Вебер. Ни дата подношения царю рукописей из Семи Палат, ни фамилия сибирского губернатора Миллером не названы. Это мог быть либо М. П. Гагарин (в 1718 г.), либо А. М. Черкасский (в 1719 г.). Тезис о том, что первые известные науке «тангутские» письма происходили именно из Семи Палат, Миллер повторил и в своей поздней статье: «Dort sind die ersten Tangutischen Schriften gefunden worden» [Müller, 1760: 256].

Наконец, ученый не обошел вниманием ошибку своего коллеги по Академии Теофила Зигфрида Байера (1694–1738), который в сочинении «Museum Sinicum» (1730) соединил сведения о Семи Палатах со сведениями о Лозановых палатах — ламаистских монастырских постройках на реке Тесь, расположенных южнее верховий Енисея. По мнению Миллера, «Байер же, недостаточно знакомый с географией тех

стран, по-видимому... неправильно понял, под влиянием прежнего ошибочного убеждения, что Семь Палат — единственное место, в котором найдены тангутские рукописи» [Müller, 1747: 457–459; цит. по: Радлов, 1894: 81].

Таким образом, анализ текстов Миллера показывает, что вплоть до середины XVIII в. члены Петербургской Академии наук однозначно связывали первое поступление буддийских рукописей в российскую столицу с монастырем Семь Палат.

Того же мнения придерживался и Д. Г. Мессершмидт. На своей рукописной карте он отметил на берегу Иртыша «Sem-palati» и добавил пояснение: «...в которых найдены тангутские книги, привлекавшие внимание парижан и всей Европы» [Зорин, 2020: 208].

В недавно изданной монографии, посвященной исследованиям Аблай-хита, Наталия Васильевна Ямпольская правильно сформулировала проблему: «Возникает необходимость объяснить тот факт, что уже в 1734 г., по свидетельству Г. Ф. Миллера, там [в Семи Палатах. — В. Б.] не осталось и следа от множества рукописей» [Ямпольская, 2019а: 204]. Действительно, этот вопрос требует развернутого ответа.

Как показано выше, нет никаких сомнений в том, что существовавший многие десятилетия монастырь Дархан-цоржийн-хийд имел библиотеку, причем значительную. Мне представляется, что в этом едины все исследователи. Например, Н. В. Ямпольская начинает свой обзор с констатации: «Монастырь Дархан-цорджи мог быть одним из центров буддийской учености, где шла работа по переводу и переписке книг», затем представляет перевод выразительного отрывка из записок Белла с описанием Семи Палат со слов очевидцев 1719 г.: «Несколько из этих комнат наполнены свитками глянцевого бумажного с изящными письменами, и на многих из них золотые буквы» [Ямпольская, 2019а: 191–192].

Стремительное исчезновение этого собрания рукописей я связываю с расхищением библиотеки российскими военными в 1718–1720 гг. На мой взгляд, ключ к пониманию дает описание листов из Семи Палат, которое сделал генерал Вильгельм де Геннин (1676–1750), с 1722 г. возглавлявший Сибирское горное начальство в Екатеринбурге. Молодые годы генерала от артиллерии были пропитаны пороховым дымом фейерверков и сражений. Его краткий рассказ о Семи Палатах интересен тем, что это единственная характеристика монастырской библиотеки, оставленная не ученым, а человеком военным: «Когда те полаты чрез подполковника Ступина в 1716-м году⁹ обреты были, — сообщал Геннин, — тогда в них найдено множество писем, писанные на картузной доброй черной, белой и на синей бумаге и

⁹ Так в опубликованном тексте рукописи. Речь идет о событиях 1718 г.

на пергаменте словами золотыми, серебряными и чернилами» [Геннин, 1937: 626].

Картузом в XVIII в. называли бумажный сверток с порохом для заряда, а также сверток с табаком¹⁰. Картузная бумага — это толстая бумага большими листами, которая шла на изготовление упаковки [Словарь Академии, 1792: 454]. Если в Петербурге поднесенные царю листы попали в 1718–1719 гг. в Кунсткамеру, то военные на берегах Иртыша в таких же рукописях, судя по характеристике Геннина, видели «добрую картузную бумагу», необходимую для хранения пороха и для иных армейских нужд.

Для полноты картины следует добавить, что в 1718–1720 гг. именно Семипалатная крепость была передовым форпостом на Верхнем Иртыше, где происходила концентрация войск. Осенью 1720 г. гарнизон главного города Сибири — Тобольска составлял 113 человек, Омской крепости — 458, Ямышевской — 370, на строительство Усть-Каменогорской Лихарев оставил 363 человека, а в Семипалатной крепости находилось 1909 военных — больше, чем суммарно во всех остальных линейных гарнизонах [Бородаев, Контев, 2015: 351]. При этом не будем забывать, что монастырская библиотека находилась в шаговой доступности от крепости. В таких условиях, выражаясь языком геологов, Семипалатинское «антропогенное месторождение» высококачественной картузной бумаги, необходимой в военном деле, могли выбрать очень быстро, в течение двух-трех лет, пока совершались иртышские походы.

Еще какое-то время было нужно для того, чтобы полностью довершить разорение. Вполне допустимо, что к середине 1720-х гг. в монастырской библиотеке остались только ни на что не годные обрывки подгнивших листов. Миллер, который осматривал эти остатки в июле 1734 г., позднее писал: «До нашего времени дошло лишь очень немного маленьких листочков, до такой степени истрепанных и изъеденных, что кажутся письменами, издавна сделавшимися жертвою червей и гниения. Вряд ли они еще были целы уже в то время, когда из Сибири были привезены первые рукописи» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 59].

Первые рукописи из Сибири были привезены в Петербург до октября 1719 г., поскольку упоминания о них имеются в дневнике Вебе-

¹⁰ Слово «картуз» пришло в Россию во времена Петра I как заимствование из европейских языков, где означало «бумажный кулек» (из ит. carta, лат. charta — 'бумага'). В русском языке это слово с конца XVII в. употреблялось в значении «мешочек с порохом, патронами», «пушечный заряд», «бумажный кошель» [Фасмер, 1986: 204]. Значение «вид фуражки» появилось позднее: в первой половине XVIII в. головной убор в Сибири называли «карпуз», через букву «п» [Панин, 1991: 59].

ра. В феврале 1721 г. в длительную поездку по Европе был отправлен Петром I его библиотекарь Иоганн Даниэль Шумахер (1690–1761). Осенью в Петербурге получили сообщение об открытии Аблай-хита и шесть листов рукописей, которые были посланы царю в августе 1721 г. сибирским губернатором из Тобольска. Поступившие в Кабинет Петра I восточные рукописи должны были передать лейб-медику Лаврентию Лаврентьевичу Блюментросту (1692–1755), заведовавшему Императорской библиотекой и Кунсткамерой. Ранее именно ему монарх поручил поддерживать научные контакты с Парижской академией наук, членом которой Петр I был избран в 1717 г. [Пекарский, 1862: 533; Княжецкая, 1974: 267]. Президентом Академии наук в Париже в то время был аббат Жан-Поль Биньон (1662–1743), с 1719 г. одновременно руководивший Королевской библиотекой Людовика XIV [Порше, 1938: 48]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что один из листов с неизвестными письменами Блюментрост решил послать Биньону. Сделано это было через Шумахера, который в июне 1722 г. в Голландии получил указ о возвращении его в Россию [Пекарский, 1862: 546], а также лист тибетского письма вместе с распоряжением своего начальника отправить загадочную рукопись Биньону. На то, что это распоряжение исходило не от Петра I, указывает фраза из письма Шумахера Биньону, написанного 18 июня 1722 г.: «J'au trouvé cet original... avec ordre de vous le faire rendre» («я нашел этот оригинал... с приказом препроводить его вам») [Порше, 1938: 50; Зорин, 2020: 211, примеч. 48]. Об указе монарха говорилось бы иначе.

1 февраля 1723 г. Биньон подготовил письмо Петру I с латинским переводом тибетской рукописи, выполненным братьями Фурмон. По неясным причинам отправлено оно было лишь 7 декабря [Порше, 1938: 58, примеч. 1]. В феврале 1724 г., Блюментрост ответил Биньону, что император остался доволен переводом. «Он приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей. Часть рукописей была повреждена временем и изъедена червями»¹¹ [Княжецкая, 1989: 22–23].

¹¹ В кавычки взят пересказ текста письма Блюментроста, выполненный Екатериной Андреевной Княжецкой и опубликованный в статье, вышедшей после смерти автора. Очевидно, перевод письма был сделан самой Княжецкой, которая ранее читала и публиковала подобные документы [Княжецкая, 1974]. В одной общей ссылке указано, что переписка хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 184–185 и Д. 8. Л. 82–83, 162–163) [Княжецкая, 1989: 33, примеч. 12]. К сожалению, этот чрезвы-

Приведенная выдержка, рисующая ситуацию в Семи Палатах на 1723 г., — лучшая иллюстрация к моему ответу на вопрос, сформулированный Н. В. Ямпольской. Если в 1719 г. информаторы Белла рассказывали о нескольких комнатах, наполненных рукописями, то в 1723 г. информаторы Блюментроста рисовали уже совсем иную картину, близкую к той, что наблюдал Миллер.

Разрывы в исторической памяти обитателей Семипалатной крепости, которые в 1734 г. уверяли Миллера, что «сколько они помнят, там никаких цельных листов найдено не было» [Müller, 1747: 437; Радлов, 1894: 59], я склонен объяснять спецификой формирования населения этого пограничного укрепления. Военные гарнизоны регулярно менялись, а гражданских жителей на первом этапе существования крепости не было. Очевидно, в 1734 г. Миллер уже не нашел тех, кто служил в крепости в 1718 – начале 1720-х гг.

Завершая исторический обзор обнаружения первых буддийских листов в Сибири, нельзя не упомянуть об Аблай-хите. По единодушному мнению всех исследователей, открытие его российскими военными произошло после основания Усть-Каменогорской крепости. Хронологически эти события выходят за рамки статьи, посвященной листу из Линчэпинга. Однако без краткого рассказа о библиотеке Аблай-хита обзор не может быть полным.

Письмо сибирского губернатора Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742), в котором он сообщил Петру I, «что за Усть Каменную крепостью в степи нашли старые полаты, и в тех полатах найдены письма», имеет помету «Из Тобольска, августа 25 дня 1721 году» [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Д. 57. Л. 413–413об.]¹². На Иртышской линии крепостей в период ее формирования коммуникации осуществлялись по воде. С ноября по апрель, когда Иртыш замерзал, укрепления существовали автономно. Сообщения об оперативной обстановке отправляли из крепостей в апреле, после ледохода; в Тобольск они поступали в мае. Поскольку известно, что первые сведения об Аблай-хите в Тобольске получили в августе, а не в мае, мы можем предположить, что ко времени отправки весенних донесений о монастыре еще не знали. В таком случае обнаружение Аблай-хита должно было произойти в интервале между концом апреля и концом июля 1721 г.

чайно интересный документ до сих пор не издан, с оригиналом я не знаком. Изучение переписки Л. Л. Блюментроста с Ж.-П. Биньоном представляется необходимым и перспективным направлением дальнейших исследований.

¹² Текст этого документа был опубликован Александром Андреевичем Спицыным (1858–1931) более века тому назад [Спицын, 1906: 241]. Дата получения в Петербурге на оригинале не проставлена. В то время письма из Тобольска в Петербург доставлялись за полтора-два месяца. При возвращении из Китая Джон Белл выехал из Тобольска 18 ноября 1721 г., а в Москву прибыл 5 января 1722 г. [Белл, 1978: 553–554].

Красивая сказка о том, как экспедицией Лихарева «осенью 1720 г., когда отряд сделал привал в новой крепости, был обнаружен покинутый монастырь и в нем старинные рукописи», а затем «и археологические находки вблизи монастыря» (с которыми Вебер познакомился в Петербурге уже в 1716 г. [Вебер, 1872: 1344, § 292]), полюбилась ученым после посмертной публикации итоговой статьи Екатерины Андреевны Княжецкой (1900—1986) [Княжецкая, 1989: 21, 26, 32–33]. Неправильно истолковав в 1960-е гг. текст обнаруженного в архиве документа [Княжецкая, 1969], она до конца жизни была убеждена, что Усть-Каменогорская крепость была заложена не в 1720 г., а «годом раньше, осенью 1719 г., по приказанию Лихарева участником экспедиции подполковником Прокофием Ступиным» [Княжецкая, 1989: 17–18]¹³. Открытие Аблай-хита Княжецкая также сдвигала на один год: руководствуясь примечанием Страленберга [Strahlenberg, 1730: 3, примеч.], она связывала обнаружение рукописей с экспедицией Лихарева, которая состоялась в 1720 г. Поэтому в ее версии обнаружения Аблай-хита отряд Лихарева не строил Усть-Каменогорскую крепость, а лишь «сделал привал в новой крепости» на обратном пути «осенью 1720 г.». Во время этой короткой остановки якобы и был найден монастырь, составлен его чертеж, собраны рукописи, затем доставленные в Петербург. Лист, который переводили братья Фурмон, Княжецкая также считала «найденным в разрушенном буддийском монастыре экспедицией И. М. Лихарева» [Княжецкая, 1989: 21, 26].

С точки зрения Екатерины Андреевны, записи на листе из Линчэ-пинга мог оставить в июле 1720 г. писарь Усть-Каменогорской крепости. Историографический парадокс состоит в том, что тезис Княжецкой об основании этой крепости в 1719 г. давно и надежно документально опровергнут, после чего заблуждение о времени открытия монастыря лишь укрепилось. Современные исследователи уже не понимают ни обусловленность хронологических построений, ни позицию самой Княжецкой, которая считала, что Аблай-хит нашли *на следующий год* после возведения Усть-Каменогорской крепости. Теперь для обоснования факта обнаружения Аблай-хита в 1720 г. достаточно слепо сослаться на итоговую статью ленинградского автора [Алексеев, 2014: 209; Ерофеева, 2019b: 97].

В отличие от библиотеки Семи Палат, разорение Аблай-хита затянулось на несколько десятилетий, потому что монастырь находился за пределами Российской империи, на приграничных землях чужого государства. Поездка туда грозила пленением и требовала вооруженной

¹³ Подробнее об этой ошибке и текст самого документа см.: [Бородаев, 2011: 27–28; Бородаев, Контев, 2015: 288, 297 (док. № 74)].

охраны. Кроме того, существовали юридические нормы, запрещавшие российским подданным самовольно покидать пределы страны. Они строго действовали в приграничной полосе. На левобережье Иртыша территории, удаленные от реки, русские посещали нечасто и с разрешения властей. Наконец, надо помнить о специфике заселения Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII в. Податного сословия, которое генерировало так называемых «промысловиков», там почти не было. На первых порах все население состояло из армейских гарнизонов, живших по военному уставу. Поэтому обнаруженный в 1721 г. монастырь российскими жителями посещался редко и расхищался медленно.

Благодаря относительной труднодоступности Аблай-хита, обеспечившей неспешность его разорения, в монастырской библиотеке вплоть до 1734 г. оставалось значительное количество рукописей. С другой стороны, сибиряки в 1730-е гг. были хорошо информированы о наличии такого источника бумаги. Миллер после возвращения из Сибири вспоминал, что буддийские листы «в наше же время в иртышских острогах употреблялись для завертывания товаров и заклейки окон» [Müller, 1747: 448; цит. по: Радлов, 1894: 64]. При этом, если Геннин, живший в Екатеринбурге с 1722 г., упоминал о рукописях Аблай-хита наряду с подробнее описанными (и даже зарисованными) листами из Семи Палат [Геннин, 1937: 626–627], то к середине 1730-х гг. вся монгольская бумага стала связываться с Аблай-хитом. На вопросы Миллера о библиотеке Семи Палат жители Семипалатной крепости «говорили, что все листы добыты из Аблайкитских развалин» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894, с. 59].

Сводные данные о военном строительстве и сведения о ранних находках российскими сибиряками листов из буддийских парадных рукописей (с золотым письмом на сине-черной бумаге) удобнее представить в виде хронологической таблицы. Знакомство с ней будет продуктивнее, если при этом обратиться к карте (см. ил. 14).

Т а б л и ц а 1

Последовательность обнаружения буддийских рукописей с «золотыми» текстами на сине-черной бумаге в ходе российского военного продвижения к истокам Иртыша и Енисея в 1717–1720 гг.

Дата	Событие
Зима 1716–1717 гг.	Отряд Федота Матигорова перезимовал в «малом остроге» около Ямышевского озера, выдержав осаду

Продолжение табл. 1

Дата	Событие
1717 г., май	<i>Отряд красноярских казаков во главе с Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым на Енисее, на устье реки Чжакуль (совр. р. Чаа-Холь) обнаружил скальную буддийскую нишу-часовню с рукописями (совр. название — ниша Чурумал-бурханныг). Десятки листов были привезены в Красноярск</i>
1717 г., сентябрь	Из строящейся Ямышевской крепости Прокофий Ступин отправил в плавание вверх по Иртышу отряд во главе с капралом. Разведчики побывали в Семи Палатах и вернулись с обстоятельным отчетом
1717 г., октябрь	Ступин отправил отряд в 300 человек во главе с Борисом Чередовым для строительства крепости «на урочище у болших полат»
1718 г., май	Отряд Бориса Чередова заложил Семипалатную крепость в недалеком расстоянии от монастыря
1718 г., лето	Подполковник Ступин переезжает в Семипалатную крепость, которая становится передовым российским форпостом на Иртыше и наполняется войсками
1719 г., октябрь	<i>Из Петербурга на родину уехал ганноверский резидент Христиан Фридрих Вебер, которому в российской столице показывали изделия и точные рукописи, найденные «в 1716 и 1718 годах»</i>
1719 г., декабрь — 1720 г., январь	<i>В Тобольске английский путешественник Джон Белл купил у солдата листы буддийских рукописей. Ему объяснили, что листы происходят из Семи Палат</i>
1720 г., май	Отряд гвардии майора Ивана Лихарева отправился из Тобольска в плавание на озеро Зайсан
1720 г., июль	<i>Русский писец оставляет на буддийском листе запись о жителе Кузнецкого уезда Григории Нечаеве</i>
1720 г., августа 1–2	Вооруженный конфликт на Черном Иртыше

Дата	Событие
1720 г., август	При возвращении на выходе из Алтайских гор отряд Лихарева заложил Усть-Каменогорскую крепость
1721 г., август	<i>В Тобольск поступили сведения об обнаружении <u>Аблай-хита</u> и первые листы рукописей из этого монастыря</i>

Возможные варианты происхождения листа из Линчэпинга

Приведенная выше таблица ясно показывает, что на вопрос, в какой монгольской молельне находилась рукописная книга, из которой был изъят лист, хранящийся в Городской библиотеке Линчэпинга, имеется два варианта ответа: монастырь Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат) на Иртыше и скальная ниша Чурумал на Енисее.

Конечно, варианты разительно неравнозначны по степени вероятности. Слишком различаются по своему характеру и по величине сопоставляемые объекты. С одной стороны — комплекс монастырских построек, в котором, по словам информаторов Белла, «несколько комнат были наполнены свитками» [Радлов, 1891: 51]. С другой стороны — крохотная скальная ниша-часовня. Известно ее описание, составленное в 1726 г.: «А во оной пещере мерою в ширину две стены полтора аршина без вершка, а две стены по одному аршину с четвертью, а в вышину оная пещера полтора аршина. <...> А во оной же пещере лежат писма многое число» [Радлов, 1894: 77]. В переводе на современную систему мер это означает: размер в плане 103,5 см на 90,0 см, высота 108,0 см. Судя по обмерным чертежам 1950-х гг., объем ниши не превышает одного кубического метра, площадь пола менее одного квадратного метра [Кызласов, 1959: 79, рис. 10]. Сколько «писем» могло там находиться и откуда они взялись?

При обследовании ниши Чурумал никаких остатков монастыря поблизости от буддийской часовни археологами не выявлено¹⁴. Очевидно, это свидетельствует о том, что «письма на синей бумаге», которые были найдены в нише в 1717 г., создавались и первоначально хранились не здесь. Листы, оставленные ламами в нише Чурумал, в конечном счете происходили из какой-то монастырской библиотеки.

¹⁴ Ниша Чурумал-бурханниг расположена в горе Сюме. Тувинское *сүмэ* (монг. *сүм*) — изначально храм, ламство которого не жило при нем постоянно, собираясь лишь по дням крупных праздников [Позднеев, 1887: 1–2; Адыгбай, Конгу, 2016: 6].

В бассейне Верхнего Енисея нет известных исследователям буддийских монастырей XVII в. По сведениям Миллера, ближайшим местом, где хранились буддийские рукописи, были обнаруженные красноярскими казаками в 1711 г. «Лозановы палаты» («Hinc Mongolica voce *Loosan-kit*, Russice Лозановы палаты vocantur» [Müller, 1747: 457]). Заброшенный к тому времени буддийский монастырь Лоозанхийд фигурировал в русских документах под названием «Лозоновы полаты». Он находился южнее верховьев Енисея, на реке «Теси (вытекающей из озера Саншин-Далай и впадающей в озеро, называемое просто Далай)» [Радлов, 1894: 75]. Речь идет о реке Тэс-Хем, берущей начало из оз. Сангийн-Далай-Нур и впадающей на западе в оз. Убсу-Нур (см. ил. 14). Она протекает вдоль современной российско-монгольской границы, преимущественно по территории Монголии, где называется Тэсийн-Гол. «На правом берегу реки, почти на одинаковом расстоянии от обоих озер, находятся два здания, лежащие на несколько возвышенном скалистом месте и построенные из сырцового кирпича», — сообщал Миллер. В главном здании казаки в 1711 г. обнаружили «чулан, в котором лежат рукописи»; тогда их трогать не стали [Радлов, 1894: 78, 80].

Тэсийн-Гол течет с востока на запад от 99-го до 93-го меридиана. Середина ее проходит примерно по 96-му меридиану (см. ил. 14, за восточной рамкой карты). Где-то в этом месте, почти на равном расстоянии от обоих озер, во второй половине XVII в. находился буддийский монастырь, библиотека которого располагалась ближе всех остальных к скальной часовне на Енисее.

Вероятность происхождения листа из Линчэпинга с берегов Иртыша или Енисея определяется объемом рукописных собраний и (прежде всего) количеством листов, попавших оттуда в руки российских сибиряков до июля 1720 г. Очевидно, что оба критерия для Семи Палат неизмеримо предпочтительнее. Из того, что записали по рассказам очевидцев Белл — о библиотеке на Иртыше и Миллер — о рукописях в скальной нише на Енисее, объем семипалатинского собрания, где рукописями были наполнены «несколько комнат», представляется на порядок более значительным. По второму критерию святилище на Енисее из-за его труднодоступности ассоциируется скорее с Аблайхитом и чрезвычайно отличается от Семи Палат. Из ниши Чурумал в Красноярск до лета 1720 г. буддийские листы привозили всего один раз, тогда как военные почти двухтысячного семипалатинского гарнизона, несомненно, посещали ойратскую библиотеку неоднократно.

Бумага в петровское время в Сибири не изготовлялась. Она завозилась за Урал из Европейской России и уже там имела немалую цену [Беляев, 1907: 3, примеч.]. Использовалась бумага в основном для письма. Наблюдения Миллера о жителях Прииртышья, которые упо-

требляли буддийские рукописи «для завертывания товаров и заклейки окон», иллюстрируют использование бесплатной бумаги из ойратских библиотек. В тех регионах Сибири, где подобных источников не было, иногда возникал острый недостаток бумаги, затруднявший текущее делопроизводство [Бородаев, Контев, 2015: 252]. Лист из Линчэпинга показывает, что для частных записей сибиряки в качестве писчего материала изредка использовали буддийские рукописи. Очевидно, с этим была связана обрезка чистых полей на некоторых из них.

Нам известен только один случай продажи буддийских листов, описанный Беллом, но в жизни их должно было быть больше. Бесплатная «добрая бумага» из Семи Палат объективно должна была расходиться среди сибиряков в качестве товара. Листы развозили по Сибири на значительные расстояния — в западном направлении до Тобольска (Белл) и Екатеринбурга (Геннин). Восточный ареал распространения рукописей из Семи Палат, возможно, маркирует лист из Линчэпинга с записью о крестьянине Кузнецкого уезда. Такая версия представляется мне наиболее вероятной.

Вполне возможно допустить и енисейское происхождение листа из Линчэпинга, хотя такая версия кажется неизмеримо менее вероятной. По свидетельству Миллера, среди буддийских рукописей, привезенных в 1717 г. в Красноярск, имелись листы «расписанной золотыми и серебряными буквами синей и черной бумаги». Он же указывал, что вернувшийся из Сибири Мессершмидт, который приобрел остатки красноярских листов, привез с собою «такого же рода рукописи, как те прежние, которые считались привезенными из Семи Палат» [Радлов, 1894: 75, 80]. По внешним признакам лист из Швеции вполне соответствует некоторым листам с Енисея.

За пределами уезда, в котором был записан и проживал представитель податного сословия, его основным административно-определяющим признаком была уездная принадлежность, тогда как внутри собственного уезда сведения конкретизировались, и тот же человек обозначался по его ведомственной принадлежности. Таким образом, обитатель Усть-Чумышской деревни в своем Кузнецком уезде обозначался как житель ведомства Белоярской крепости, а где-нибудь в Томске, Красноярске или Тобольске это был прежде всего кузнецкий житель, и лишь потом могло следовать уточнение, что он белоярский. Исходя из таких особенностей сибирской канцелярской лексики начала XVIII в., мы вряд ли ошибемся, предположив, что запись на поле монгольского листа, появившаяся в июле 1720 г., была сделана где-то в пределах Кузнецкого уезда.

Деревня Усть-Чумышская, где проживал упомянутый в записи на листе Григорий Нечаев, располагалась на берегу Оби, около западных пределов уезда (см. ил. 14). Город Кузнецк стоял на берегу Томи, зна-

чительно восточнее и ближе к Красноярску и Абаканскому острогу. Кузнецкий и Красноярский уезды были соседними, имели общую границу. В таких географических реалиях попадание енисейского листа в Кузнецк или иной населенный пункт Кузнецкого уезда вполне допустимо. Однако шансы на достоверность у этой версии очень невелики: слишком мало листов было привезено из Саянских гор в 1717 г.

Нельзя обойти молчанием и недавно заявленное в литературе утверждение о том, что лист из Линчэпинга происходит из Аблай-хита [Ямпольская, 2019b: 217–219]¹⁵. Нет смысла дискутировать на эту тему — ответом является составленная мной хронологическая таблица 1.

Документы позволяют уверенно утверждать, что до начала августа 1720 г. ни один российский военный не посещал Аблай-хит. В таком случае может ли лист, использованный русским писцом в июле 1720 г., происходить из монастырской библиотеки, еще не известной российским жителям? Этот вопрос не так прост, как кажется, и пока не имеет ясного ответа.

Предположение о том, что лист происходит из Аблай-хита, неизбежно требует включения в эту версию каких-то гипотетических посредников, благодаря которым лист проделал путь из-за Иртыша в российскую Сибирь. Например, можно допустить, что до обнаружения Аблай-хита российскими военными рукописи из его библиотеки попадали к русским сибирякам либо от коренных тюркоязычных жителей Алтайских гор, несомненно, посещавших заброшенный монастырь, либо из бухарских торговых караванов, путь которых проходил мимо монастырских стен. Такие версии уводят в область неограниченных фантазий. Они могут стать увлекательным сюжетом для художественного произведения, но непродуктивны при анализе документального источника.

Вероятность подобного развития событий кажется столь малой, что предположением о гипотетическом посреднике можно было бы пренебречь, если бы не загадочное обстоятельство: помимо записей по-русски на стороне verso, на лицевой стороне того же листа с буддийским текстом имеется еще одна позднейшая надпись, выполненная явно не кириллическим алфавитом (см. ил. 15). По-видимому, мы имеем объективное доказательство того, что прежде чем попасть в российскую Сибирь, лист побывал в руках человека с иными навыками письма. Закономерно возникает вопрос: могла ли быть сделана непонятная надпись не в то время, когда лист входил в состав книги, а позднее, когда у листа возникла самостоятельная история? Не являет-

¹⁵ В более ранней статье с участием того же автора подобная категоричность отсутствовала [Алексеев, 2014: 211].

ся ли эта короткая запись документальным аргументом в пользу версии о нероссийском владельце-посреднике?

Надпись сделана черными чернилами или тушью. Строчка знаков, выполненных тонким пером, расположена на синем верхнем поле листа recto, над левым верхним углом текста. Направление надписи перпендикулярно вертикальным строкам монгольского письма. В строчке видны (слева направо) два знака в виде креста и петли, далее еще пять-семь знаков какого-то непонятного, явно не кириллического алфавита.

Свою статью с публикацией листа из Линчэпинга Джон Ронстрём проиллюстрировал черно-белой фотографией стороны recto с непонятной надписью на верхнем поле, а в тексте сообщил: «Короткая строка неизвестных мне символов над началом монгольского текста на другой стороне листа (recto, fig. A, pl. XVIII) до сих пор не поддавалась прочтению — и даже идентификации типа письма» [Rohnström, 1971: 302]. Спустя полвека мне нечего добавить к комментарию предшественника¹⁶.

В этой связи отмечу, что если допустить наличие промежуточного звена между монастырской библиотекой и российскими сибиряками в виде какого-то тюркского владельца буддийского листа, оставившего на верхнем поле загадочную надпись, то становится возможным гипотетическое происхождение этой рукописи из любого «опустевшего города калмыков», изображенного на карте 1725 г. поблизости от российско-монгольского приграничья в Прииртышье (см. выше, рис. 1). Судя по сведениям Ирины Викторовны Ерофеевой (1953–2020), в 1710-х гг. все три упомянутых на карте монастыря уже были заброшены [Ерофеева, 2019а: 63–68]¹⁷. Вместе с тем в дневнике Д. Г. Мес-

¹⁶ Благодарю А. В. Зорина, И. Л. Кызласова и Н. В. Ямпольскую за помощь в попытке — увы, неудачной! — понять загадочную надпись на стороне recto.

На стадии формирования сборника данную надпись пыталась разобрать А. А. Сизова, исходя из предположения, что каждый элемент в надписи представляет собой отдельные монгольские буквы, то есть речь идет о попытке их копирования лицом, не владевшим монгольской письменностью. К своему анализу она также привлекла рунические знаки или петроглифы, опубликованные Страленбергом в его книге 1730 г. Хотя наблюдаются некоторые черты сходства между элементами интересующей нас надписи и обоими указанными вариантами письма (причем эти черты более ощутимы в отношении рунических знаков или петроглифов), утверждать что-либо уверенно на данный момент не представляется возможным. (*Примеч. ред.*)

¹⁷ Остатки укрепленного монастыря Бошохту-хан-хит (ил. 14) в 1937 г. обследовал и описал археолог Сергей Сергеевич Черников (1909–1976). Развалины находились на левом берегу р. Кальжир «при впадении в неё речки Орды... где проходит тракт на с. Буран» [Черников, 1960: 130–132]. Село Буран расположено в месте впадения Кальжира в р. Черный Иртыш. Укрепле-

сершмидта в записи от 6 марта 1722 г. именно эти три монастыря названы «особенно известными» храмами («In der kalmakschen Sprache aber würde ein solcher Ort oder Bethaus auch *Kyht* genannt, und solcher wären vornehmlich im Kalmakschen Distrikt drei sonderlich berühmte, als: [1.] Bosta-Chan-Kyht, 2. Ablay-Kyht, 3. Ozturtu-Seza-Chan-Kyht») [Messerschmidt 1962: 192]¹⁸. Подобное отношение к религиозным святыням делает предположение о доставке листа из Линчэпинга в российскую Сибирь самими монголами слишком неправдоподобным.

Вопрос о попадании листа в Городскую библиотеку Линчэпинга

Очерк о листе монгольского «золотого» Ганджура с русскими надписями 1720 года будет неполон, если обойти молчанием его устоявшееся в литературе название «Codex Renatus Lincopensis» и не коснуться вопроса о попадании рукописи в Швецию. Появление в Линчэпинге трех буддийских листов Дж. Ронстрём обоснованно связывал с востоковедными интересами шведского ученого-энциклопедиста Эрика Бенцелиуса младшего (1675–1743) [Rohnström, 1971: 303]. В 1731–1742 гг. Бенцелиус был епископом Линчэпинга, а до этого преподавал в университете Уппсалы, где в 1710 г. основал «Collegium curiosorum», из которого выросло Уппсальское королевское научное общество, старейшее научное общество Швеции [Лефельдт, 2021: 121]. Несомненно, буддийские рукописи Линчэпинга привезли из России, и начальная точка путешествия лежала где-то восточнее Урала. Вряд ли мы ошибемся, полагая, что лист монгольского «золотого» Ганджура из собрания Бенцелиуса как экзотический сувенир доставил в Европу один из тех пленных шведов, которые во время Северной войны были сосланы в Сибирь. Из них в ученом сообществе стали наиболее известны имена Страленберга и Рената. Однако образованных и любознательных пленников было больше.

Пути попадания буддийских листов из Сибири в страны Европы в 1720-е — начале 1740-х гг.

После ратификации Ништадтского мирного договора последовал указ Сената от 8 октября 1721 г., по которому все шведские военнопленные, находившиеся в Сибири, объявлялись свободными. Зимой

ние, отождествленное С. С. Черниковым с монастырем Бошохту-хан-хит, удалено от устья Кальжира на 12–15 км вверх по реке. Современные исследователи подтверждают верность такой идентификации [Ерофеева, 2019а: 68–69].

¹⁸ На этот факт мне указал А. В. Зорин.

1721/22 г. сотни офицеров были отправлены из Тобольска в Петербург, тогда как возвращение рядового состава растянулось на долгие годы [Шебалдина, 2005: 150–152]. Несмотря на длительные бюрократические задержки в столице, большинство офицеров в 1722–1723 гг. вернулись в Швецию. В их числе был и капитан Филипп Иоганн Табберт (1676–1747), получивший в Швеции дворянскую фамилию фон Страленберг. Среди сибирских достопримечательностей, которые он в 1723 г. привез в Европу, имелось больше десятка листов буддийских рукописей.

Судьба Рената являлась исключением из правил, потому что ему пришлось возвращаться не из российского плена в Швецию, а из джунгарского плена в Россию и лишь потом на родину. В обратный путь Ренат отправился значительно позднее своих товарищей по сибирскому заточению. Сделал он это в 1733 г. в составе ойратского посольства, отправленного в Петербург [Бородаев, Контев, 2010: 391]. По территории России, от границы до столицы, посольство двигалось под охраной сопровождающих, в некоторой изоляции от местных жителей. Предполагать, что в таких условиях где-то в Сибири Ренат зачем-то приобрел лист монгольского письма (каких в плену он видел во множестве), да еще с рукописной пометой 1720 г. — явный плод художественного восприятия прошлого. Важно отметить другое: Ренат действительно вез с собой целый набор вещей-сувениров, специально взятых из Джунгарии [Baddeley, 1919: clxxix–clxxx; Бородаев, Контев, 2010: 392]. Такая склонность к экзотическим вещам из далеких стран, где пришлось побывать, была характерна для образованных европейцев XVII–XVIII вв.

Наши документальные знания о Ренате никак не связывают его с рукописью из Линчёпинга. Между тем за частным сюжетом о появлении в Швеции одного монгольского листа с русскими надписями стоит общая проблема. Необходимо объяснить, каким образом в различных библиотеках Европы в XVIII в. появились отдельные листы буддийских рукописей из Сибири. Кто и когда доставил их из России?

Знакомство любознательных жителей Западной Европы с буддийскими листами из Сибири началось в 1720-е гг. и проходило параллельно двумя путями. Первое направление — это официальные научные связи: поездка по европейским странам Шумахера, публикация тибетского листа в «Acta eruditorum» и отправка рукописи из Аблайхита в Париж, переписка аббата Биньона с его российскими корреспондентами. Сюжеты эти неплохо освещены в литературе, однако речь идет об одном тибетском листе. Второе направление, значительно более мощное и гораздо менее изученное, — это неофициальное проникновение буддийских листов из России в страны Европы.

Такое поступление рукописей можно наблюдать по книге Страленберга, где автор опубликовал один из листов, вывезенных из Сибири неофициально, в виде личного сувенира. Он объяснял, что «письмена эти были найдены русским уроженцем города Красноярска почти на конце реки Енисея... на том месте, где находилась старая часовня» [Strahlenberg, 1730: tab. I; Радлов, 1891: 25, 28; Зорин, 2015: 106, примеч. 6]. «Я мог бы прибавить... [к опубликованному на табл. I тибетскому листу. — В. Б.] по меньшей мере 10 или 12 других образцов, — добавлял Страленберг, — если бы не боялся значительных расходов. Письмена эти я подарил, в разное время, добрым друзьям» [Радлов, 1891: 25, 27].

Из-за финансовых трудностей автора произошло событие почти невероятное: лист из крохотной часовни на Енисее был издан в Европе раньше, чем листы из Семи Палат — основного сибирского источника буддийских рукописей в начале 1720-х гг. Исторический парадокс первоначального знакомства европейских ученых с буддийскими рукописями из Сибири состоит в том, что первыми в Европе были опубликованы листы из двух иных, в то время гораздо менее представительных собраний с берегов Иртыша (Аблай-хит, 1722) и Енисея (ниша Чурумал, 1730).

Характерно, что в обоих случаях были изданы тибетские, а не монгольские листы, хотя монгольские в современных собраниях численно преобладают (например, собрание листов из Аблай-хита ИВР РАН насчитывает 1245 монгольских листов и только 204 тибетских, то есть соотношение 6 : 1 [Ямпольская, 2015: 51; Зорин, 2015: 112])¹⁹. На относительную редкость тибетских рукописей указывал Страленберг в письме к Эрику Бенцелиусу младшему в апреле 1724 г. («у меня только один экземпляр такого рода») [Лефельдт, 2021: 140] и в своей книге, где отметил, что подарил друзьям все листы, кроме опубликованного [Strahlenberg, 1730: 312–313; Радлов, 1891: 27–28]. Повышенное внимание к тибетским листам было обусловлено их большей загадочностью для европейской науки первой половины XVIII в.

Другим любознательным шведом, который вывез из Сибири коллекцию буддийских листов с Иртыша, был участник Полтавского сражения барон Ребиндер. Об этом пленнике, который «бывал у Семи Палат», Теофил Зигфрид Байер с благодарностью упомянул в завер-

¹⁹ Возможно, именно этим определялся на первый взгляд странный отказ Л. Л. Блюментроста выполнить просьбу Ж.-П. Биньона послать в Париж ещё несколько рукописей с тибетским письмом. В ответ на вопрос, куда же могли подеваться в Петербурге остальные пять листов из Аблай-хита, присланные А. М. Черкасским [Зорин, 2020: 212], допустимо предположить, что эти пять листов были монгольскими.

шенном летом 1730 г. предисловии к *Museum Sinicum* [Bayer, 1730: 109, 145], позднее — в записке, поясняющей, что ученый получил икону, а также один «тангутский» лист и три монгольских от барона Ребиндера, сосланного в Сибирь [Weston, 2018: 65–67; Ямпольская, 2019b: 228–229]. Из другой записки Байера становится понятно, что он имел в виду три монгольских листа на белой бумаге («3. Charta alba, scriptura Mungalica, Szem Palati. 4. Item. 5. Item» [Weston, 2018: 193]).

В этой истории примечательны два обстоятельства. Во-первых, Ребиндер совершенно определенно указывал, что его раритеты происходят «из руин Семи Палат, где было обнаружено поразительное множество тангутских и монгольских книг» («ex Septem palatiorum ruinis, (Russice Szem Palati) ubi insignis librorum Tangutanoruin et Mungalorum copia reperta est» [Weston, 2018: 66]). В 1720-е гг. этот очевидец был основным информатором Байера о библиотеке монастыря Дархан-цоржийн-хийд. Во-вторых, ссылка шведского офицера закончилась в 1722 г., а Байера пригласили в Петербург в 1725 г., из чего следует, что Ребиндер действительно доставил буддийские рукописи с берегов Иртыша в Европу, а в библиотеку Байера они попали либо еще в Кёнигсберге, либо после приезда ученого в Россию.

Прямо или косвенно факты говорят о том, что появление в Европе разрозненных буддийских листов из России хронологически приурочено к 1722–1725 гг. Можно указать на первые европейские публикации подобных находок в 1722 и 1730 гг., на копию письма аббата Биньона 1723 г., хранящуюся вместе с «золотыми» листами буддийских рукописей в библиотеке герцога Августа в Германии [Алексеев, 2014: 209–210], и на пояснительные записки Байера [Weston, 2018: 66–67, 193].

Прослеживаемый «выплеск» листов буддийских рукописей в Петербург и в Европу связан с массовым выездом из Сибири шведских офицеров в 1722 г. Трудно оценить количество листов, поступивших в северную столицу вместе с бывшими пленниками и затем вывезенных из России. Некоторый ориентир дает нам реплика Страленберга, который в своей книге рассказ о буддийских рукописях снабдил комментарием: «Es möchten von derselben Art wohl ein paar hundert Blätter in Europa, bey der Schweden Zurückkunfft aus der Gefangenschafft, hinein gekommen seyn» [Strahlenberg, 1730: 312, примеч. а] («Несколько сот таких листков могли попасть в Европу с возвращением Шведов из плена» [Радлов, 1891: 25]). Это короткое замечание — важное свидетельство информированного очевидца. Привезенных частным порядком сначала в российскую столицу, а затем в Европу буддийских рукописей должно было быть достаточно много. В 1720-е гг. они абсолютно преобладали на фоне того единственного листа из Аблай-хита, который европейская наука получила через Шумахера.

Сводные данные о доставке буддийских листов из Сибири в Петербург и оттуда в страны Европы представлены в таблице 2. Хронологически она охватывает период от первого появления в российской столице буддийских рукописей до начала 1740-х гг., то есть до кончины Эрика Бенцелиуса младшего, при котором лист с кириллическими надписями попал в Линчэпинг.

Т а б л и ц а 2

Последовательность появления буддийских листов из Сибири в Петербурге и странах Европы в 1718 — начале 1740-х гг.

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
конец 1718 — середина 1719 г.	По свидетельству Х.-Ф. Вебера, покинувшего Россию в октябре 1719 г., в Петербурге он держал в руках рукописи из Сибири, которые были найдены в 1718 г.	
1721 г., октябрь	Вместе с письмом губернатора Сибири от 25 августа получено шесть листов из Аблай-хита	
1722 г., январь	Джон Белл в составе посольства вернулся из Китая в Москву	
1722 г., весна		Один лист из Аблай-хита послан из Петербурга И. Д. Шумахеру, который в это время находился в поездке по странам Европы
1722 — начало 1723 г.	Массовый исход пленных шведских офицеров из Сибири в Петербург для получения документов и отъезда на родину	
1722 г., июнь		Шумахер в Голландии получил указ о возвращении в Россию [Пекарский, 1862: 546], а также один лист из

Продолжение табл. 2

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
		Аблай-хита и распоряжение послать его аббату Биньону [Зорин, 2020: 211]
весна 1722 — середина 1723 г.	Шведские офицеры находятся в Петербурге. Некоторые из них имели буддийские листы	
середина 1722 г. — конец 1723 г.		Шведские офицеры привозят буддийские листы в Европу (Ребиндер, Страленберг и др.).
1723–1724 гг.		Возвращение Джона Белла на родину [Bell, 1885: 167]. Привез в Англию листы, купленные в Тобольске зимой 1719/20 г.
1723–1724 гг.		Посол голштинского герцога А. Э. Штамбке приобрел в Петербурге два листа, которые затем вывез в Германию [Ямпольская, 2019b: 214].
1725 г., февраль		Проповедник жившего в Петербурге генерала Людвиг-Николауса фон Алларта отправил в Германию буддийские листы [Ямпольская, 2019b: 216]
1727 г., март	Мессершмидт вернулся в Петербург из многолетнего путешествия по Сибири. Среди его научного багажа были листы буддийских рукописей	
Середина — вторая половина	В Петербург из Европы возвратились несколько	Дробление коллекций листов, вывезенных в Евро-

Окончание табл. 2

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
вина 1720-х годов	листов из Семи Палат. Т. З. Байер получил их в дар от барона Ребиндера	пу; увеличение числа владельцев в результате дарения листов (Страленберг)
1734, март	Прибытие Рената в Петербург в составе ойратского посольства. С собой он привез две ойратские карты и китайскую книгу	
1734, август	Доставка рукописей из Аблай-хита в Усть-Каменогорскую крепость и отправка их Миллером и Гмелиным в Петербург из Кольвано-Воскресенского завода [Зорин, 2015: 109]	
1735 г., начало		Возвращение Рената в Швецию. Нет никаких сведений о том, что он привозил буддийские листы
1737, вторая половина		Т. З. Байер, готовясь к отъезду из Петербурга, отправляет свою библиотеку морем в Кёнигсберг [Материалы, 1890: 47]

Как видим, в страны Европы буддийские листы из Сибири попадали в основном по неофициальным каналам. Долгий путь из Азии в Петербург большинство рукописей проделали со шведскими офицерами в 1722 — начале 1723 г. Приобретение послом голштинского герцога А. Э. Штамбке двух буддийских листов в Петербурге в 1723–1724 гг. хорошо вписывается в эту картину [Ямпольская, 2019b: 214]. Оформление документов для выезда на родину часто затягивалось, и шведы испытывали в российской столице финансовые трудности. Какие-то листы могли быть проданы в Петербурге. Очевидно, Штамбке проделал в столице России то же, что ранее сделал Белл в столице Сибири.

За пределами России сейчас известно десять собраний буддийских рукописей из Сибири. Девять из них хранятся в библиотеках Англии, Германии, Франции и Швеции [Ямпольская, 2019b], десятое утрачено [Strahlenberg, 1730: 312–313, tab. I; Радлов, 1891: 25, 27–28]. Зарубежные коллекции в основном состоят из листов, вывезенных из Сибири в 1722–1723 гг. Джоном Беллом и пленными шведами. Доставленные в Петербург листы покинули Россию в 1722 – начале 1725 г.

После 1725 г. поступление новых рукописей из Сибири в страны Европы прекратилось. Одновременно начался процесс дробления вывезенных коллекций. Дарение Страленбергом листов «добрым друзьям» приводило к росту числа владельцев буддийских рукописей. Показательно, что позднее подобное дробление произойдет и с коллекцией Белла. О фрагментации собрания Ребиндера у нас сведений нет, но Байер также мог быть не единственным получателем имевшихся у шведа буддийских листов. Равно как и листы из Семи Палат в коллекции Байера, судя по их количеству, были получены не только от Ребиндера [Weston, 2018: 66–67, 193]. Вместе с новыми владельцами рукописи получали собственные судьбы, иногда замысловатые. Например, вывезенные Ребиндером листы из Семи Палат вновь вернулись в Россию, а затем опять уплыли в Кёнигсберг (табл. 2). После смерти Байера рукописи попали в Лондон, и наконец в начале XIX в. они были перевезены в Глазго, где хранятся уже третье столетие [Ямпольская, 2019b: 227–228].

Существенно то, что к весне 1722 г., когда пленные покидали Сибирь, рукописи Аблай-хита только начали просачиваться из далекого монастыря в Россию, о них еще мало кто слышал. Напротив, разорение библиотеки Семи Палат было почти завершено, и жители Сибири, судя по описаниям Геннина (который прибыл в 1722 г.), были хорошо знакомы с «доброй бумагой» из Семи Палат. Из какого буддийского святилища могли происходить рукописи, которые вывозили шведы в 1722 г.? В случае со Страленбергом это листы из скальной ниши на Енисее. Однако для абсолютного большинства других, несомненно, в те годы доступнее были листы из Семи Палат, что документально подтверждается коллекцией барона Ребиндера.

Современные исследователи монгольских текстов упорно не хотят учитывать это обстоятельство, предпочитая сложной картине прошлого простую схему: «все рукописи, хранящиеся в Европе, происходят из Аблай-хита». Как ни странно, любые документальные свидетельства о находках буддийских листов в Сибири в петровское время до сих пор затмеваются огромным массивом рукописей, доставленных в Петербург из Аблай-хита в 1734 г. Предшествующие события 1720-х гг. превращаются в мираж, их словно бы не существует на фоне полутора

тысяч листов из Аблай-хита. В недавно изданной монографии, посвященной знаменитому монастырю, все без исключения буддийские листы из Сибири, хранящиеся в библиотеках Англии, Германии, Франции и Швеции, описаны как «фрагменты книг из Аблай-хита в библиотеках Европы» [Ямпольская, 2019b]. Этот фундаментальный тезис, вынесенный в заголовок раздела книги, документально должным образом не подкреплён. По форме он аксиоматичен, по содержанию ошибочен.

Пока достоверно известно только об одном листе из Аблай-хита, который был привезен из России в Европу в первой половине XVIII в. Буддийские рукописи из Аблай-хита доминируют историографически, однако в тех поступлениях 1720-х гг., которые в виде отдельных листов обогатили библиотеки Западной Европы, они должны составлять сравнительно небольшую часть.

Возможные варианты попадания листа в Городскую библиотеку Линчэпинга

Лист из Линчэпинга, очевидно, был среди тех «нескольких сот таких листков», которые, по свидетельству Страленберга, имели у себя в Сибири и могли привезти в Европу шведы, возвращаясь на родину в 1722 г.

Сейчас мы знаем три личных собрания буддийских рукописей, вывезенных из Сибири, — Белла, Ребиндера и Страленберга. Собрания Белла и Ребиндера отчасти сохранились в Британской библиотеке и в библиотеке университета г. Глазго [Ямпольская, 2019b: 219–221, 227–228]. Среди них имеются листы монгольских рукописей, написанных золотыми буквами на синей бумаге, то есть схожие с листом из Линчэпинга.

По словам Страленберга, помимо изображенного в его книге тибетского листа, он привез из России больше десятка рукописей на синей-черной бумаге, написанных буквами «частью желтого или золотистого, частью белого или серебристого цвета» [Strahlenberg, 1730: 312; Радлов, 1891: 25]. Следовательно, и у него были рукописи, внешне похожие на лист из Линчэпинга. Коллекция Страленберга не сохранилась: буддийские рукописи он раздарил «добрым друзьям», к 1730 г. у Страленберга оставался только лист, опубликованный в его книге.

Все исследователи листа из Линчэпинга согласны с тем, что появление буддийских рукописей в Городской библиотеке связано с научными изысканиями Эрика Бенцелиуса младшего (1675–1743). Из трех перечисленных выше собраний в качестве источников поступления листа к Бенцелиусу можно рассматривать только коллекции Страленберга и Ребиндера.

Умозрительный характер таких рассуждений недавно получил существенное документальное подтверждение. Выяснилось, что Эрик Бенцелиус младший, проживая в Уппсале, активно переписывался со Страленбергом в 1723–1725 гг., то есть сразу после возвращения офицера из Сибири в Стокгольм, когда все буддийские рукописи были еще у него. В Городской библиотеке Линчёпинга сохранилось несколько десятков писем Страленберга, адресованных Бенцелиусу [Лефельдт, 2021: 121], что позволяет уверенно включить епископа в число «добрых друзей» сибирского пленника и потенциальных получателей его раритетных подарков. Более того, в единственном опубликованном письме из этой обширной переписки (под № 47 от 21 апреля 1724 г.) речь среди прочего шла и о буддийских рукописях! Причем как тибетских, так и монгольских («калмакских») [Лефельдт, 2021: 139–140]. Указанные обстоятельства и сама тональность письма Страленберга делают почти неизбежным вывод о том, что какие-то из трех буддийских листов, хранящихся в Городской библиотеке Линчёпинга (или все три?), Бенцелиус получил в дар от Страленберга.

Гипотезу о получении Бенцелиусом интересующего нас листа с кириллическими надписями от Страленберга недавно сформулировал А. В. Зорин [Зорин, 2020: 207, примеч. 31]. Если не вдаваться в детали, в общих чертах эта версия выглядит весьма убедительно. Я считаю ее наиболее вероятной. При этом не будем забывать, что именно из собрания Страленберга просочился в Швецию енисейский лист из ниши Чурумал.

Вместе с тем пока не следует полностью отрицать и другие пути попадания листа к Бенцелиусу. В этой связи интересно упоминание Д. Уэстона о том, что «Байер обменивался длинными, эрудированными письмами со шведским епископом Эриком Бенцелиусом» (опубликовано 17 писем) [Weston, 2018: 9]. Ведь до сих пор непонятно, каким образом живший в Кёнигсберге (а с 1726 г. в Петербурге) Байер получил в дар подборку рукописей из Семи Палат от выехавшего в Швецию Ребиндера. Не являлся ли Бенцелиус посредником между ученым и военным? В таком случае какие-то листы из семипалатинского собрания Ребиндера могли попасть к профессору Уппсальского университета. Между прочим, Страленберг в своем письме к Бенцелиусу 1724 г. тоже упоминал «господина Байера из Кёнигсберга», с которым, очевидно, находился в переписке [Лефельдт, 2021: 140]. Было бы полезно проанализировать переписку Байера с Бенцелиусом применительно к сюжету о буддийских рукописях из Сибири.

Наличие значительного числа до сих пор не изученных и не изданных писем Страленберга к Бенцелиусу позволяет надеяться, что при знакомстве с их текстами удастся найти документальные уточне-

ния гипотезы А. В. Зорина. Концовка в долгой истории осмысления «Codex Renatus Lincopensis» еще не дописана.

Основные выводы

1. Уточненное прочтение кириллической надписи на поле листа из Линчэпинга позволило отождествить упомянутого в тексте жителя Усть-Чумышской деревни на Верхней Оби и прояснить локализацию не совсем понятного сюжета. Уникальность шведского листа состоит в том, что он содержит дату, проставленную промежуточным российским владельцем. Записи были сделаны в коротком временном интервале в июле 1720 г.

2. Проведенный хронологический анализ доказывает ошибочность мнения, будто бы все листы «золотого» Ганджура, вывезенные из Сибири в Европу в первой половине XVIII в., происходят из библиотеки Аблай-хита. Заброшенный буддийский монастырь Аблай-хит российские военные обнаружили в 1721 г., а листы «золотого» Ганджура появились в сибирских городах значительно раньше: в Красноярске с 1717 г., в Тобольске как минимум с конца 1719 г. К этой группе ранних фрагментов парадных рукописей на синей бумаге относится и лист из Линчэпинга.

3. Лист из Линчэпинга, вероятно, происходит из той же самой монастырской библиотеки, что листы Джона Белла, купленные в Тобольске зимой 1719/20 г. Такой библиотекой не могло быть ничто иное кроме рукописного собрания ойратского монастыря Дархан-цоржийн-хийд, который русские называли Семь Палат.

4. Для дальнейшей разработки этой гипотезы необходимо тщательное сопоставление листа из Линчэпинга с хранящимися в Лондоне листами Джона Белла и с хранящимися в Глазго монгольскими листами из коллекции Т. З. Байера — прежде всего по характеру бумаги, красителей и чернил, а также по содержанию текста.

5. Неизмеримо менее вероятно, но возможно, что лист из Линчэпинга входил в то сравнительно небольшое число буддийских рукописей, которые первыми были привезены в российскую Сибирь красноярскими казаками в мае 1717 г. В этом случае его находка будет связана с крохотной скальной часовней в Саянских горах на Енисее, а происхождение — с каким-то монастырем на территории Монголии.

6. Связь листа из Линчэпинга с другими ойратскими монастырями, включая Аблай-хит, пока ничем не подтверждается. Единственным основанием для такой неправдоподобной версии может стать содержание короткой надписи на верхнем поле стороны recto, которая до сих пор остается неп прочитанной.

7. Название «Codex Renatus Lincopensis» было присвоено листу из Линчёпинга Августом Стриндбергом в его рабочих записях. После их публикации в статье Ронстрёма, который подчеркивал, что документы библиотеки «не содержат никаких намеков» на связь рукописи с Ренатом [Rohnström, 1971: 300], результат оказался противоположным: красивое название стало популярным среди востоковедов, которые за поэтическим образом стали видеть реальный исторический контекст. В действительности никакой связи листа из Линчёпинга с Ренатом не существует. Знаменитый швед привез на родину значительно более редкие и выразительные ойратские сувениры.

8. Появление отдельных листов буддийских рукописей, отложившихся в западноевропейских библиотеках в первой половине XVIII в., связано с массовым исходом из Сибири сотен шведских офицеров в 1722 – начале 1723 г. К этому времени собрание рукописей из Семи Палат разошлось по рукам военных, а библиотека Аблай-хита, хотя и была уже обнаружена, оставалась еще почти не разграбленной и мало кому известной. Следовательно, большинство буддийских листов из Сибири, которые были вывезены в страны Европы в 1720-е гг., должно происходить из библиотеки монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат), а не из Аблай-хита или ниши Чурумал. В собрании Байера принадлежность листов к Семи Палатам удостоверяется записью владельца коллекции [Weston, 2018: 191–193].

Петербургское собрание буддийских листов из Сибири формировалось иначе: к осени 1719 г. — первые рукописи из Семи Палат; осень 1721 г. — шесть листов из Аблай-хита; 1727 г. — доставка в Академию буддийских текстов Мессершмидтом (в том числе енисейских рукописей из ниши Чурумал). В 1734 г. эти три сравнительно небольших поступления были перекрыты огромным количеством буддийских листов, вывезенных из Аблай-хита.

9. При изучении нескольких десятков фрагментов буддийских рукописей из Сибири, хранящихся в Лондоне, Глазго, Вольфенбюттеле, Галле, Касселе и Линчёпинге, следует помнить о высокой вероятности происхождения их из монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат). Этот вывод касается и монгольских листов на белой бумаге, которые, судя по сведениям Белла, численно преобладали в Семи Палатах. Отнесение подобных листов из Галле к рукописям Аблай-хита [Ямпольская, 2015: 51], возможно, верное, но требует дополнительной проверки и отдельной аргументации.

Мне представляется, что рабочей гипотезой при изучении буддийских листов из Сибири, попавших в западноевропейские библиотеки в первой половине XVIII в., должен быть тезис о наличии в Семи Палатах монгольского Ганджура — прежде всего на белой бумаге, а также

парадного списка на синей бумаге. Фрагменты монгольских рукописей из Семи Палат на белой бумаге имеются в коллекции Байера в Глазго; фрагменты парадного списка из Семи Палат должны быть среди листов Белла в Британской библиотеке. К ним, вероятно, тяготеет и лист из Линчэпинга.

10. Существование в 1723–1725 гг. интенсивной научной переписки между Э. Бенцелиусом младшим и Ф. Страленбергом делает наиболее вероятным предположение о связи листа из Линчэпинга с коллекцией Страленберга. Для уточнения этой гипотезы необходим анализ переписки Э. Бенцелиуса с Ф. Страленбергом и Т. З. Байером.

Список литературы

Адыгбай, Конгу, 2016: *Адыгбай Ч. О., Конгу А. А.* Сакральные аспекты буддийских монастырей Тувы // Вестник Калмыцкого ун-та. 2016. № 3 (31). С. 4–12.

Алексеев, 2014: *Алексеев К. В., Туранская А. А., Ямпольская Н. В.* Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. № 1 (20). М.: Вост. лит., 2014. С. 206–224.

Арциховский, Тихомиров, 1953: *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Белл, 1776: Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь: [в 3 ч.] / перевел с французскаго Михайло Попов. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1776. Ч. 1.

Белл, 1978: Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. М.: Наука, 1978. Т. 1: 1700–1725. С. 498–554.

Беляев, 1907: *Беляев И. С.* Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М.: Синодальная тип., 1907.

Беснятых, 1991: *Беснятых Ю. Н.* Введение // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 3–44.

Бородаев, 2011: *Бородаев В. Б.,* Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–27 мая 2011 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. С. 25–35.

Бородаев, Контев, 1999: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: (взаимодействие народов и культур): Материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 116–132.

Бородаев, Контев, 2010: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Түүхийн товчоон / Ховд их сургууль,

Нийгэм хүмүүнлэгийн ухааны сургууль, Түүхийн тэнхим. Том 5. Улаанбаатар: Soyombo printing Co., 2010. С. 386–403.

Бородаев, Контев, 2015: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015.

Булыгин, 1974: Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1974.

Вебер, 1872: Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях / пер. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6, стб. 1057–1168; вып. 7, стб. 1334–1457; вып. 9, стб. 1613–1704. [Перевод был выполнен по 4-му изданию 1744 г.]

Геннин, 1937: *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Даль, 1880: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: А—З. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880.

Даль, 1881: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: И—О. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881.

Ерофеева, 2019а: *Ерофеева И. В.* Буддийские монастыри в кочевьях ойратов // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 46–75.

Ерофеева, 2019б: *Ерофеева И. В.* Строительство Аблай-хита и жизнь его обитателей // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 76–105.

Зализняк, 2004: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зорин, 2015: *Зорин А. В.* О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 102–118.

Зорин, 2020: *Зорин А. В.* О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 199–215.

Зорин, 2021: *Зорин А. В.* О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г. // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 306–318. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19).

Карский, 1901: Очерк славянской кирилловской палеографии: Из лекций, читанных в императорском Варшавском университете проф. Е. Ф. Карским. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1901.

Княжецкая, 1969: *Княжецкая Е. А.* Когда был основан Усть-Каменогорск // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1969. Т. 101, вып. 1. С. 74–77.

Княжецкая, 1974: *Княжецкая Е. А.* Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1972 г. М.: Наука, 1974. С. 260–273.

Княжецкая, 1989: *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Кн. 3. С. 10–35.

Кызласов, 1959: *Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3. С. 66–80.

Кызласов, 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.

Лефельдт, 2021: *Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И. В., Элерт А. Х.* Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 119–142. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19).

Лурье, 1988: *Лурье Я. С.* Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1: А–К. С. 89–93.

Материалы, 1890: Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 6 : История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера: (1725–1743). СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890.

Мочульский, 1893: *Мочульский В. Н.* Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса: тип. штаба войск Одесского военного округа, 1893.

Отчет ИПБ, 1885: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885.

Панин, 1991: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.

Пекарский, 1862: Наука и литература в России при Петре Великом : исследование П. Пекарского. — Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862.

Позднеев, 1887: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1887.

Порше, 1938: *Порше Ж.* Петр Великий и Парижская Королевская Библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Вып. IV. С. 43–60.

Пыпин, 1862: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб.: тип. Кулиша, 1862.

Радлов, 1891: *Радлов В. В.* Приложения // Радлов В. В. Сибирские древности. СПб: Издание имп. Археологической комиссии, 1891. Т. 1, вып. 2. С. 21–52, приложения IV–XII. (Материалы по археологии России, № 5).

Радлов, 1894: *Радлов В. В.* Приложения // Радлов В. В. Сибирские древности. СПб: Издание имп. Археологической комиссии, 1894. Т. 1, вып. 3. С. 53–146, приложения XIII–XVI. (Материалы по археологии России, № 15).

РНБ, загадка: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Азбуковник. Q.XVI.21, л. 251 об. — Опубликовано: Загадка [Электронный ресурс]: // РНБ. Отдел рукописей. Ex Libris. URL: http://nlr.ru/manuscripts/RA568/ex_libris?mnt=8CFD87C2-DD3A-406F-BD9B-00E1E9EB7B81 (01.06.2021).

Садовников, 1876: Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1876.

Словарь Академии, 1792: Словарь Академии российской. Ч. III: от З до М. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1792.

Спицын, 1906: *Спицын А. А.* Сибирская коллекция Кунсткамеры // Зап. отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 227–248.

Фасмер, 1986: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е—Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.

Черников, 1960: *Черников С. С.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории Калмыцкой АССР. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 115–134.

Чупин, 1873: *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: тип. Поповой, 1873. Т. 1: А—Юркан.

Шебалдина, 2005: *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005.

Ямпольская, 2015: *Ямпольская Н. В.* Сводный перечень фрагментов рукописей «черных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // *Mongolica-XV*: сборник научных статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 48–58.

Ямпольская, 2019а: *Ямпольская Н. В.* Обнаружение рукописей в ойратских монастырях // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 190–211.

Ямпольская, 2019б: *Ямпольская Н. В.* Фрагменты книг из Аблай-хита в библиотеках Европы // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 212–229.

Ямпольская, 2019с: *Ямпольская Н. В.* Монгольские рукописи // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 262–281.

Baddeley, 1919: *Baddeley John F.* Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. 1. London, 1919.

Bayer, 1730: *Bayer T. S.* Praefatio // *Bayer T. S.* Museum Sinicum in quo Sini-cae linguae et litteraturae ratio explicatur. Petropoli: ex typographia Academiae imperatoriae, 1730. Tomus primus. P. 1–145.

Bell, 1885: R. H. Bell, John (1691–1780) // Dictionary of national biography. Vol. 4: Beal — Biber / Ed. by Leslie Stephen. London: Smith, Elder, 1885. P. 166–167.

Gmelin, 1751: *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Th. 1. Goettingen, 1751.

Heissig, 1979: *Heissig W.* Die erste mongolische Handschrift in Deutschland // Zentralasiatische Studien, 13, 1979. S. 191–214.

Messerschmidt, 1962: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin, 1962.

Müller, 1747: *Müller G. F.* De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. T. 10. Ad annum 1738. Petropoli: Typis Academiae, 1747. P. 420–468, tabl. I–IX.

Müller, 1760: *Müller G. F.* Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 183–274.

Rohnström, 1971: *Rohnström, John.* Strindbergs mongoliska studier: Ett nyfunnet Strindbergsmanuscript // Bibliotek och historia. Festskrift till Uno Willers. Acta Bibliothecae Regiae Stockholmiensis, 12. Stockholm, 1971. S. 290–305, pl. XVII–XVIII.

Strahlenberg, 1730: *Strahlenberg Ph. J., von.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. Stockholm: in Verlegung des Autoris, 1730.

Weston, 2018: *Weston D.* The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. Glasgow, 2018.

Zorin, 2015: *Zorin A.* Tibetan Buddhist Text Acquired by the Russian Academy of Sciences during the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo : ICPBS, 2015. Vol. XIX. P. 184–142 (=1–43).

Vadim B. Borodaev

A Folio of the Mongolian “Golden” Kanjur with the Russian inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library

This paper presents an annotated translation of Cyrillic inscriptions found on a Mongolian folio from the “Golden” Kanjur kept in the Linköping City Library (Sweden). It proves that the notes in Russian cursive were made in July 1720 and identifies the person mentioned in them.

The course of events that relate to the discovery of Buddhist monasteries in southern Siberia during the reign of Peter the Great as well as the process of their destruction by the Russian soldiers are considered in historical context of 1714–1721.

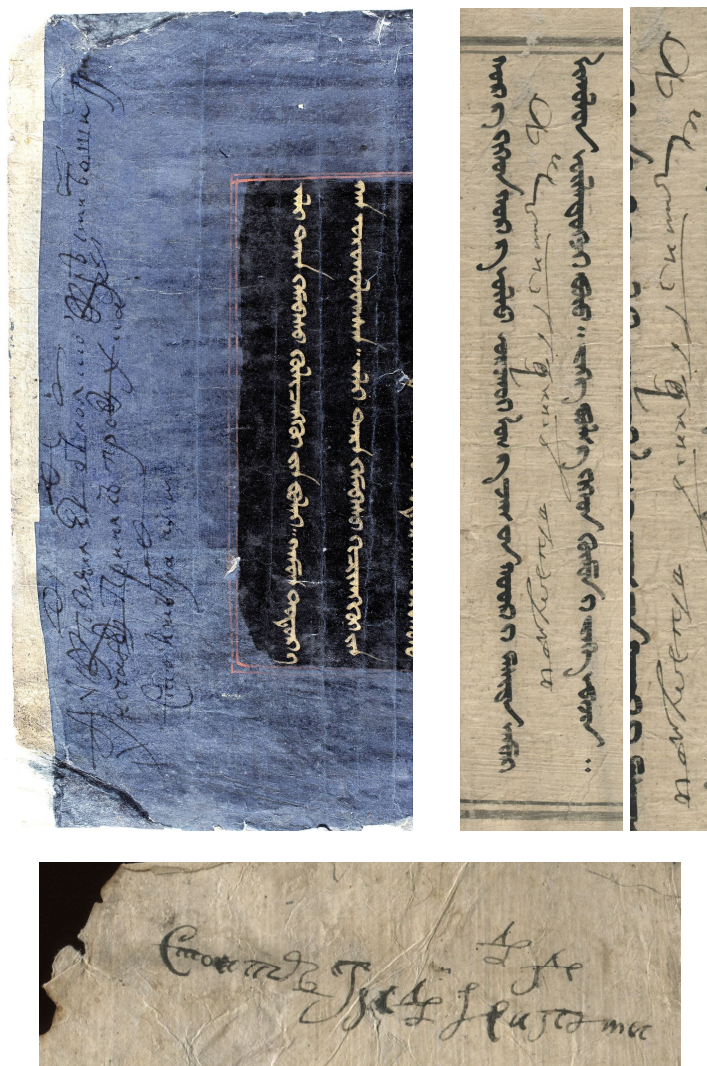
The paper states that the Linköping folio was originated from either the Darqan čorji-yin keyid (Sem Palat) monastery that used to be found on the shore of the Irtysh or (with a very low probability) some monastery in Mongolia that could be located close to the upper reaches of the Yenisey.

The sequence of the appearance of Buddhist manuscripts from Siberia in St. Petersburg and several countries of Europe from 1718 to the early 1740s is traced. It is argued that the Linköping folio probably belonged to the collection of Ph. Strahlenberg, although its connection with some other Swedish captives who left Siberia in 1722–1723 cannot be ruled out.

It is pointed out that the correspondence between Erik Benzelius Jr. and Ph. Strahlenberg as well as Th. S. Bayer may bring some promising results that can help clarify the question of the origin of the folio erroneously named *Codex Renatus Lincopensis* by J. A. Strindberg.

Key words: Buddhist manuscripts, Cyrillic inscriptions, Russian cursive, Linköping, Sem Palat, Darqan čorji-yin keyid, Churumal, Ablakit, Erik Benzelius Jr., J. G. Renat, Ph. I. Strahlenberg, T. S. Bayer.

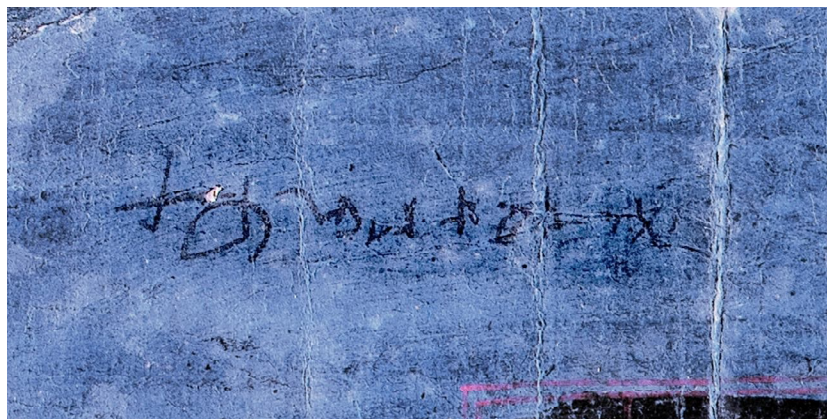
Иллюстрации к статье В. Б. Бородаева

- Ил. 11 (вверху слева). Кириллическая надпись на левом боковом поле стороны verso монгольского листа из Линчёпинга; источник: Linköpings stadsbibliotek
- Ил. 12 (внизу). Кириллическая надпись на правом боковом поле стороны recto монгольского листа из Аблай-хита [Ямпольская, 2019с: 274, рис. 74]
- Ил. 13 (вверху справа). Непрочитанная кириллическая надпись на стороне verso того же монгольского листа из Аблай-хита (ИВР РАН)

Ил. 14. Иртышско-Енисейское междуречье к началу 1720-х гг.
 На карте отмечены заброшенные ойратские монастыри в Прииртышье и часовня на Енисее, откуда буддийские рукописи вывозили в российскую Сибирь, Петербург и страны Европы (цифрами указаны годы их обнаружения)

Ил. 15. Загадочная надпись непонятным письмом. Верхнее поле стороны recto монгольского листа из Линчёпинга. Источник: Linköpings stadsbibliotek